

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕМОН ГОЛЛИВУДА

р о м а н

Одна жизнь
на двоих
продолжается
в наши дни

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Сага о любви и смерти

Анна и Сергей Литвиновы
Печальный демон Голливуда

«ЭКСМО»

2011

Литвиновы А.

Печальный демон Голливуда / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2011 — (Сага о любви и смерти)

Как они любили друг друга! Но безжалостное время порой убивает даже самую горячую страсть... Сын Ник больше не нуждался в родительской опеке, но и без того отношения Насти и Арсения зашли в тупик. И тут с каждым из них стали происходить загадочные и неприятные события... Ника преследовали странные девушки, а одна из них в результате оказалась... любовницей его отца. Потом в газете появились фото, компрометирующие Арсения, – и это когда мультфильм по его сценарию выдвинули на «Оскара»! У Насти тоже начались проблемы: сгорел строительный объект, который она курировала, у нее угнали машину, украли сумку с документами... Может быть, это прошлое, полное ошибок и разочарований, до сих пор напоминает о себе? Тем более все неприятности удивительным образом совпали с появлением в Москве Настиного бывшего мужа, дипломата Эжена, исчезнувшего за границей двадцать лет назад...

© Литвиновы А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна и Сергей Литвиновы

Печальный демон Голливуда

Пролог

Ник

По вечерам Ник запрыгивал в машину и ехал в свою ж...у мира.

Спасибо маме и папе, удружили. Раньше он о подобных уголках в Москве даже не слышал – не то что не бывал. Это ж надо! Родиться, вырасти и всю свою двадцатипятилетнюю жизнь провести на Большой Бронной, а теперь, на старости лет, оказаться на выселках. Липецкая улица, подумать только! Из окна – Кольцевую видать. Отсюда Липецк, похоже, ближе, чем Кремль.

Хотя на самом деле собственная квартира – кайф, конечно. Пусть даже такая. Он целую интригу закрутил, чтоб личной жилплощадью обзавестись. Начал с того, что они с Маней решили жить вместе. «Вместе так вместе», – сказали мама с папой, Арсений с Настей. Показалось, они на него рукой махнули и решили перестать воспитывать. Нудеть, чтоб учился. На престижную работу устраивать. На болт в ухе кривиться. Да им самим бы сейчас со своими проблемами разобраться. Видел Николенька: мать с папаней в последнее время пребывают в состоянии то холодной, а то и самой натуральной, горячей войны. То ругаются, собачатся из-за пустяков – то неделями не разговаривают. Он из-за них переживал, конечно. Но что он мог сделать! Еще один аргумент в пользу того, чтобы проживать отдельно: не хочу быть свидетелем родительских разборок! Может, они тет-а-тет легче общий язык найдут. Или наоборот, возьмут и разъедутся. И правильно: лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Он подкатился к *родакам* в минуту перемирия: «Мы с Маней хотим вместе жить. Квартиру думаем снимать». Родители прореагировали предсказуемо. Папаня сказал: «Что ж, ты уж большой. Пожалуйста». А мама: «Вы на какие средства снимать собираетесь? Твоей продавецской зарплаты на нее хватит? Учти: мы с отцом тебе ничего давать не сможем. Моих денег на нас еле хватает, а отец – ты сам видишь».

– Не начинай ты опять, – досадливо сморщился тогда папаня в ее сторону, а потом заметил: – А ведь у тебя еще одна квартира есть, эженовская.

На то жилье Ник, честно говоря, и рассчитывал. Хорошо, что отец сразу про нее вспомнил.

– Ты очень хорошо мои квартиры считать научился, – отбрила супруга Настя, а потом спросила сына напрямик: – Квартира на окраине, убитая двушка. Зато не надо никому платить. Поедете туда со своей Маней?

Николай еле удержался, чтобы не заорать радостно: «Да, да, да!» – но молвил солидно:

– Надо посмотреть, дадите ключи?

И все в итоге получилось. Ника ведь, если *по чесноку*, не столько *жизнь с Манюней* привлекала, сколько *жизнь самостоятельная*. Так и вышло. С Маней они спустя семь месяцев – критический срок для совместной жизни! – разругались. Она с его жилплощади свалила. А он? Не возвращаться же к родителям! Ради чего? Ради маминых пирожков и окрошки? Она готовит сейчас раз в год по обещанию, вся в работе. Не станет он во имя желудка независимостью поступаться. Лучше уж в «Ростиксе» с «Граблями» питаться, чем опять попасть в кабалу.

К тому же вскоре мать с отцом разбежались. Этот результат сын предвидел. Возможно даже, дело шло к разводу. Папаня от того, что семья для сына квартиру выделила, возгордился

и стал говаривать назидательно: «Мы в твои годы с мамой и с тобой маленьким комнату в коммуналке снимали. А я с первого курса, с семнадцати лет, стал подрабатывать, вагоны разгружал». Нику хотелось сказать, что знает, как он разгружал, на самом деле (мать рассказывала) бутылки пустые собирал и сдавал. Однако язычок прикусил и благоразумно промолчал. Как бы не припомнили, что они двушку на Липецкой могут сдавать. А его – вернуть назад, в семью. Чтобы он, допустим, поддерживал морально маманю на «Тульской». Или с Арсением делил скупой мужской уют на Патриках.

Да, времена! Жилье в Москве на вес золота. Даже ради попы мира приходится суетиться и интриговать. Но в итоге – самостоятельно, пусть даже на Липецкой, жить хорошо. Здесь никаких центровых понтов, никто не смотрит, что ты идешь с пакетом, фи, из «Пятерочки». И на «реноху» старую не косятся. Наоборот, круто, что не «Жигули». А самое главное: совсем один! В первый момент, как Манюня его покинула, он даже поверить не мог: никого рядом. Захотел – в кухне в окно посмотрел, чипсов погрыз. Перебрался в гостиную, раскинулся на диване, телик включил. Все программы пролистал, не понравилось – в спальню пошел. Там полежал, покурил. И никто не зудит, что нельзя в квартире дымить, а чипсы есть вредно, и не листай программы быстро, а то у меня голова болит. Нет уж, надо пожить отдельно, почувствовать вкус одиночества, а уж потом собственной семьей обзаводиться.

А от того, что от родителей далеко, Николай просто кайфовал. У них претензии глобальней, чем у Манюни – а потому хуже отбиваемые: «Почему ты не пошел учиться!.. Ты же в ШЮЖе (школе юного журналиста) на хорошем счету был. Куда теперь без образования в современном сложном мире?» (Это – папа.) А мама: «Бросай курить!.. Когда к врачу пойдешь со своей гипертонией?..» А в последнее время – того хлеще: «Когда ж ты нас внуками порадуешь?»

Об этом он думал, когда со свистом несся из центра в свое Фуюво-Кукуево. Да, бывают моменты, когда по Москве можно пролететь со скоростью сто двадцать км в час (хотя они наперечет). Например, когда кончились новогодние каникулы, депутаты не успели вернуться в Первопрестольную вместе со своими мигалками, а ты работаешь до десяти вечера. И вот: легкий снежок в свете фар, черная дорога под колесами и миллиарды окон светятся по обе стороны Каширского шоссе. Ник уже предвкушал, как он запаркуется, а потом поднимется, сделает в микроволновке двойную порцию попкорна, откроет банку колы из холодильничка («пшчик!»), насыплет в бокал льду... Николенька был гедонистом и сибаритом, и ему нравилось каждый момент в своей жизни проводить с максимально возможным комфортом. Потом он устроится на диване в гостиной, включит свой любимейший гаджет, домашний кинотеатр, и будет наслаждаться очередной новинкой. Может, два фильма посмотрит. Вот за что ему работа в магазине нравилась: можно совершенно легально взять хоть десять новинок музыки и кино. Потом их снова специальной машинкой запечатают и в продажу пустят. Сейчас у него валялось в сумке три диска. Завтра выходной, поэтому никто и ничто не мешает ему лечь хоть в четыре, хоть в пять и проспать до часу-двух дня.

Однако предвкушение не оправдалось. Вечер пошел наперекосяк.

Для начала не оказалось места запарковаться рядом с подъездом. Нашлось только у соседнего. Из окна, значит, машину будет не видно. Не то чтобы он сильно за свою «реноху» боялся, но все равно: угонят, на чем он будет передвигаться? И если надругаются над железной – тоже обидно.

Ну ладно. Втиснулся, дверцы закрыл, пошел – независимо пакетом с лейблом «Диск-Курс» помахивая. И тут вдруг – экспрессивнейшая мизансцена впереди!

Навстречу ему идет девчонка. Довольно бодро и независимо. Одна. Хорошенькая. Ни на кого не смотрит.

Как вдруг – позади нее нарисовываются два парня. Они бегут. Бегут за ней – то есть в сторону Ника. Они нагоняют девчонку, огибают ее, вроде бы даже проносятся мимо, и вне-

запно... Один из гопников хватается за сумку и – она даже ахнуть не успевает – вырывает из рук и, сбавив темпа, мчится дальше.

Ошеломленная девчонка не успела даже понять, что случилось. Секунду или две осмысляет происходящее, а потом кричит: «Стойте! Воры! Сумку украли!» Но в момент, когда она раскрывает рот, грабители уже далеко – метрах в десяти от нее.

Вот они поравнялись с Челышевым-младшим. И тогда он машинально преграждает путь одному из парней – тому, что с сумкой. Делает приемчик в духе хоккейного защитника: своим телом останавливает нападающего. Он даже не испытывает боли от столкновения, так удачно играет в корпус, что грабитель взмывает в воздух, а потом плашмя шлепается на асфальт. Сумочка при этом отлетает, но...

Первый бандос, удачно уже проскочивший мимо, успевает остановиться, нагнуться, схватить краденую сумку и продолжает свой резвый бег. А второй, шлепнувшийся на асфальт, очень быстро поднимается. А потом сперва иноходью, припадая и как-то боком, стартует, но вскоре прибавляет, выскакивает вслед за своим поделеньником в арку, и через несколько мгновений оба исчезают из виду.

Огорошенная девчонка смотрит на Ника – отчего-то вопросительно. Тот разводит руками: мол, извини, я пытался, но не удалось.

– В милицию звонить будем? – деловито спрашивает он.

– А что толку, – машет рукой она.

– Может, наткнутся на них где-нибудь менты, – предполагает он. – Случайно.

– А ты уродов запомнил? – спрашивает она.

– Нет. Черные шапки, черные куртки.

– Кавказцы?

– По-моему, наши. Славянской внешности.

– Наркоши, наверное.

– Наверняка. Я бы все-таки в ментуру позвонил. Если не найдут – мы хоть им показатели испортим. Тоже приятно. К тому же тебе все равно заявление придется писать.

– Почему? – вскинулась девчонка.

– Ну, в сумочке наверняка паспорт был, – предположил Челышев.

– Бли-и-ин! – Девчонка схватилась за голову. Минутку постояла, задумавшись, а потом решительно отвергла: – Нет, все равно никакой милиции.

– Как скажешь. У тебя деньги-то остались?

Она помотала головой:

– Деньги были в сумке. И мобильник тоже.

– Хочешь, с моего позвони.

И тут девчонка вместо ответа вдруг заплакала. Ее хорошенькие голубенькие глаза в мано-вение ока наполнились слезами – а потом две крупные капли сползли по щекам. Она даже не сделала попытку утереть их.

– Ладно тебе, – покровительственно проговорил Ник. – Это ведь просто сумка. Вещь.

Но девушка отчаянно замотала головой, а потом отвернулась и закрыла лицо руками. Ник потоптался – он, как любой мужчина, не знал, что делать, когда женщина плачет. И не уйдешь, и рядом стоять – дурацкая мизансцена получается. Будто он девушку до слез обидел. Вон собачница мимо с таксой идет, на него подозрительно косится. Как бы добрые самаритяне к ним наряд не вызвали.

– Слушай, давай ко мне поднимемся, – простосердечно предложил он. – Ты хоть умо-ешься.

Девушка как будто не слышала, но потом все-таки оторвала руки от лица и внимательно – не маньяк ли? – посмотрела на парня.

Он, видимо, фейсконтроль прошел: не маньяк.

– Ты что, в этом доме живешь?

– Ага. Один. Родителей нет, подружки тоже. Никого не побеспокоим.

– Ну пошли.

И молодой человек намеренно оставил девушку позади себя: типа, хочешь следовать за мной – пожалуйста, а если вдруг передумала, у тебя есть свобода выбора, можешь и убежать. Только двери в подъезд перед ней раскрыл – проклятое воспитание дало о себе знать.

В лифте он сказал:

– Меня зовут Николай. А тебя?

– Ксения.

Даже слезы в целом не испортили ее лицо. Девушка была хороша. И совсем не накрашена. Тонкие черты, голубые глаза. А одета среднестатистически: куртка, джинсы, кроссовки. Чем занимается, где живет – с ходу и не скажешь.

Когда вошли в квартиру, она сразу закрылась в ванной.

Ну и слава богу. Появилось время убрать кровать, спрятать из поля видимости разбросанные по ковру носки с трусами. Он успел даже обрезать холодильник – впрочем, без особой надежды. Имелись кола, лед, два початых флакона – с кетчупом и майонезом, слегка прогорклое сливочное масло, одно яйцо и граммов сто недопитой водки. Можно, если дойдет дело до угощения, выпить водки-колы со льдом и закусить салатом из майонеза и вареного яйца. В кухонном шкафчике, кроме того, нашлись два сорта макарон, молотый кофе и ровно четыре пакетика чая. Живем!

Наконец она вышла. Причесалась, умылась. Только носик покраснел.

– Итак? – бодро спросил хозяин. – Чай, кофе, кола, водка?

– Позвонить.

– Воспользуешься городским?

– Конечно.

Она взяла протянутую ей трубку и выжидательно посмотрела.

– Секретный разговор? – догадался он.

– Если можно.

– Отчего ж нет.

Ник вышел из кухни, прикрыл за собой дверь. Однако в коридоре остановился и стал прислушиваться. Чертовски приятное занятие: шпионить за хорошенькой девушкой, чтобы проникнуть в ее тайны. Голос ее слышен был отчетливо, однако гостя не стала более понятной. Своего собеседника она называла на «вы» (или имела в виду кого-то двоих, родителей?) – притом не ясно, какого собеседник возраста, кем приходится Ксении и даже – какого он (она?) пола. Голос девушки звучал приглушенно и как-то официально, что ли.

– Да, это я. Кое-что случилось. – Пауза. – Да, но я не могу сейчас обо всем рассказать. – Опять пауза. – Да... Нет, сегодня я ночевать не приду, вы меня не ждите.

Возможно, он понял бы больше, когда б ему удалось прослушать обе стороны, участвующие в диалоге. Но скорее все запуталось бы только сильнее. И насторожило.

– Да, это я. Кое-что случилось...

– Все удалось?

– Да, но я не могу сейчас обо всем рассказать.

– Он рядом?

– Да.

– Как ты думаешь, тебе удастся?..

– Нет, сегодня я ночевать не приду, вы меня не ждите.

У Ника было жизненное правило: никогда не водить домой незнакомых. На том и родители настаивали – и сам он не дебил, понимал: времена нынче лихие. Но на сей раз у него

в гостях бедная крошка, пострадавшая от ограбления. Молодой человек даже ни капли не напрягся по поводу того, что в квартире чужая.

– А ты здесь один живешь?

– Я ведь уже говорил.

– Похоже, не соврал.

Он усмехнулся:

– Я тоже смог бы сосчитать количество щеток в ванной.

– Зубные щетки ни при чем. У тебя – обиталище старого холостяка.

И тут что-то с ними произошло. Или – с ним произошло. Во всяком случае, молодой человек почувствовал: меж ними словно натянулась невидимая нить.

Он сделал шаг вперед, к ней. Она отступила.

– Ты, кажется, что-то говорил насчет выпить?

Ксения посмотрела на парня искоса, снизу вверх. А он оказался с ней совсем рядом и заключил ее в объятия.

– Как вы предсказуемы, – вздохнула она.

– Мы – это кто?

– Вы – это мужчины, – прошептала Ксения, а он наклонился и попытался ее поцеловать.

– Но-но-но, не так скоро!

Она оттолкнула парня, с силой упершись ему в грудь обеими руками. И, словно змейка, почти незаметно выскользнула из его объятий – текучая как вода. Миг – и она уже стоит посередине комнаты.

– Я, пожалуй, пойду.

– Подожди!

– Нет-нет, мне пора.

– Куда ты пойдешь: без денег, без документов!

– Ну, уж как-нибудь.

– Я отвезу тебя.

– Вези.

– Потом.

– Когда?

– После *всего*.

– Всего – чего?

– Трех поцелуев.

– Нет!

– Ну двух.

– Нет, ни за что.

И вдруг, в какой-то момент, ему это надоело. «Какого черта? Час назад я даже не знал о ее существовании, а теперь вот развожу на секс. Да пошла она! Да, красотка. Да, почему бы не попробовать. Вот я и попробовал. Будем считать, что не получилось».

– Ладно, – устало проговорил он, – ты права. Время позднее. Поехали.

– Ох, сиди уж дома. Я пойду.

– Да зачем тебе ночью по Москве болтаться, – запротестовал он, но вяло, безо всякого энтузиазма.

– Послушай, тебе не приходило в голову: раз уж я проходила здесь, по вашему дурацкому двору, – значит, я шла от *кого-то*? Или наоборот, в гости к кому-то?

И едва он успел сделать движение, чтобы остановить ее, Ксения схватила в охапку куртку, отперла дверь – замок английский – и вот она уже за порогом.

– Все, не провожай меня! – и скатилась вниз по лестнице.

Глава 1

Настя

Арсений подхватил ее на руки и закружил. И кричал при том на все Патриаршие:

– Слышите?! Вы слышите? Она приняла мое предложение! Она согласна!

А Настя стучала кулачками по его плечам и хохотала.

– Отпусти, сумасшедший! Ты людей разбудишь!

...С той весны, с той майской ночи, минуло почти двадцать лет¹. Однако мало что переменялось в Москве, на Патриарших.

По крайней мере, внешне. И – только на первый, самый беглый взгляд. Все так же бултыхались на глади пруда утки, а вокруг него чинно прогуливались элитные пенсионеры и мамочки с колясками. И голуби рыскали вокруг лавочек. Толстые птицы удивительным образом сочетали в себе достоинство и ежесекундную заботу о пропитании.

Видит Бог, далеко не все люди так умеют. Чего-чего, а суеты за истекшее двадцатилетие в Москве прибавилось. В ряды степенно гуляющих пенсионеров то и дело врывались проносящиеся из офиса в офис клерки в галстуках от Вьютона и Этро. Проскакивали боящиеся каждого куста гастарбайтеры в кожаных куртках. Спешили дамочки – новые миллионерши, которым, казалось бы, сам Бог велел излучать довольство и благодать. Однако и они спешили – то ли на свиданку, то ли в кафе, то ли на массаж. Все, за исключением голубей, мамаш и пенсионеров, куда-то неслись, опаздывали, обгоняли. И стоило одному автомобилю замешкаться в поисках парковки у пруда – как сзади немедленно раздражались нетерпеливые клаксоны.

Пытаясь не обращать на торопыг внимания, Настя Капитонова, сцепив зубы, в одно движение припарковала свой внедорожник у ограды пруда.

Джип, который более всех разорвался сзади, притормозил. Тонированное оконце открылось. Выглянул водитель. Он хотел было произнести в адрес Насти нечто нелицеприятное – но при виде ее красоты и ухоженности сменил гнев на милость и с ходу предложил:

– Поехали пообедаем вместе?

– Занята! – бодро выкрикнула Настя. Внимание противоположного пола по-прежнему ей льстило – но не докучало уже. И можно сколько угодно говорить себе, что ты так ухожена и одета, что выглядишь на тридцать максимум семь, – она-то сама знала, что ей все сорок пять. И что теперь делать с этой цифрой?

Пруд и бульвар вокруг него ограничены довольно высоким барьером. Настя оглянулась по сторонам – к проходу шагать далеко. И она – все равно одета по-походному, сейчас надо на объект ехать – подпрыгнула и ловко перемахнула оградку. Студенты, дувшие на лавочке пиво, маневр Насти оценили, один поднял вверх большой палец, второй зааплодировал. «У меня сын старше вас, а туда же...» – пробурчала Капитонова про себя – однако внимание молодняка ей, тем не менее, польстило.

На соседней лавке сидел уже далеко не юный человек. Не пенсионер, конечно, но в некогда буйной шевелюре различимы и лысинка, и седина. И морщинки залегли возле рта. И ботинки, пусть дорожные, но растоптаны, если не сказать заношены. А главное, вся фигура мужчины излучает мудрость, и усталость, и безволие, и, что ли, покорность судьбе. Но вдобавок – как ни пытайся смотреть на него со стороны – он родной, этот мужчина, знакомый до каждой черточки, жеста, неосознанной привычки.

¹ Эти события описаны в романах А. и С. Литвиновых «Предпоследний герой» и «Черно-белый танец», издательство «Эксмо».

И пахнет от него очень знакомо. Дорогим французским парфюмом – Настя подарила его Арсению еще в советские времена, когда они начинали жить вместе. И с тех пор своей привычке – весьма дорогостоящей, надо сказать – муж не изменял. Заканчивался один пузырек с туалетной водой – он покупал новый. А еще от Сеньки сейчас слегка пахло спиртным. Да не просто водкой, а коньяком. И тоже, кажется, недешевым. Откуда, черт возьми, – шевельнулось в Насте раздражение – у безотцовщины, сироты, внука провинциального врача столь барские замашки? Времени – четверть двенадцатого – и, между прочим, рабочий день.

То, что муж выпивши, подтвердило его благодушное настроение. Увидел ее, заулыбался, залучился:

– О, Настенька, прекрасно выглядишь!

Она не ответила и с ледяным лицом небрежным жестом достала из сумочки конверт, передала ему.

– Возьми вот, – бросила снисходительно. – Твоя доля.

– О, как она холодна. Как величава! – прокомментировал иронически муж. – Кто тебе, милая, с утра настроение испортил?

– Ты.

– Помилуй, – добродушно пробасил он, – мы только две минуты назад с тобой увиделись.

– Мне и этого хватило.

– Да чем же я тебе насолил?

– Ох, хватит, – досадливо поморщилась Настя. – Ты все прекрасно понимаешь.

– Список твоих претензий ко мне столь обширен, о любимая, что я всякий раз теряюсь в догадках, чем же я прогневал твое высочество в данный конкретный момент времени.

– Хватит паясничать, – поморщилась она.

– Претензия номер семь, – понимающе покивал головой Арсений. И добавил, пердразнивая: – «Несерьезный, легкомысленный человек, которому нельзя ничего доверить». Я прямо-таки слышу голос твоей маменьки.

Тут уж взвилась и Капитонова – потому что слово «мама» было вычеркнуто из ее лексикона. Потому что мать для нее означало «лживая, вероломная предательница», потому что она не виделась с ней вот уже двадцать лет и ничего не желала слышать о родительнице. Одно упоминание о ней больно ранило душу.

– Перестань! – почти выкрикнула Настя.

– Как прикажете, благородная синьора, как прикажете.

– В следующий раз будешь сам встречаться с жильцом! И сам забирать у него деньги. Хоть эту работу ты можешь для меня сделать?

Лицо Арсения закаменело. Как слово «мать» было запретным для нее, так и слова «работа» и «заработок» – для него.

– Мы же договорились... – досадливо молвил он. – Зачем ты опять? Тебе что, денег не хватает?

– Мне – хватает. Но ты-то!

– Что – я?

Его настроение резко переменилось, на смену благодушию пришла злость. Он вскочил с лавки – взъерошенный, с лицом почти что мученика. «Словно мальчишка, – мелькнуло у Насти, – которого затравили одноклассники». И почему-то вдруг так жалко его стало – да кто ж Сеньку еще пожалеет на всем белом свете, кроме нее! У него и родных-то не осталось, только она с Николенькой. Но ведь сын жесток, как все молодые, с отцом не ладит, а она тоже хороша: все требует от Сени чего-то, считает, что он неправильным путем идет, неверно живет. А вдруг Арсений прав? И он как раз живет – *правильно*? А даже если нет и он не прав – жизнь одна. Он так решил распорядиться своей судьбой. Почему же она, Настя, судит его? Пытается исправить? Ведь это – ЕГО жизнь.

Она тоже поднялась и ласково погладила Арсения по плечу – он был весь напряженный, взъерошенный, наэлектризованный.

– Ничего, ничего, – успокаивающе пробормотала она. И добавила почти шепотом: – Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

А ему опять не так – раньше он настолько раздражительным не был, все от коньяка с утра.

– «Счастлив»! – воскликнул Арсений сардонически. – Это значит, в твоём понимании, стоять поутру в пробках, а потом сидеть в офисе с утра до вечера, добывать подряды, пилиить бюджеты, получать откаты!.. Работать, работать! Делать бабки! Все вы на этом помешались, все!

– Да кто все, Сенечка?

– Ты. И все москвичи!

– Нет, Сеня, – сказала она твердо. – Я тебя ни к чему не принуждаю. И ничем заниматься не заставляю. Делай что хочешь. То, что считаешь нужным. Лишь бы тебе было хорошо. Я больше ни слова упрека не скажу.

– Ты только обещаешь всегда, – обиженно, играя в маленького мальчика, пробормотал Арсений.

– Прости, но я правда хочу, чтобы у тебя было все хорошо. Чтобы жизнь тебя радовала. Но это ведь не так? Ты ведь несчастлив, Сеня? Так почему же ты не хочешь что-нибудь изменить?

– Да что ты понимаешь! – Он вырвался из-под ее руки, досадливо взмахнул ладонью и, не прощаясь, поплелся в сторону от нее, в перспективу бульвара: справа – пруд, слева – лавочки и ограда, а за ней газуют в пробке машины.

Арсений

Сроду бы он в этой столице не появлялся. Жил бы в своем Южнороссийске, не тужил. Иногда спрашивал себя: а как сложилась бы его судьба, когда б он в далеком восемьдесят втором не поехал покорять столицу? Если б остался навсегда в своем любимом портовом городе? Хотя прекрасно понимал, что история сослагательного наклонения не имеет – и сие касается как целых государств, так и отдельных индивидуумов. Однако он не мог иногда не помечтать: а что было бы, если... Он никогда не узнал бы свою Настю. Не пересекся с семьей Капитоновых. Не попал в тюрьму. Не заимел сына Николеньку. Не организовал кооператив, не прошел с ним все тяжкие, не разорился... Не начал бы опять с нуля, снова поднялся, да еще как... И вновь упал... Словом, если б все в его жизни пошло иначе?

Когда б он заторчал навсегда в своей провинции – возможно, продлил бы жизнь своим бабуле с дедулей. Для них, конечно, было ударом, что он загремел в тюрьму. Значит, одним грехом на его совести стало бы меньше.

Наверное, где б он ни жил, не убежал бы от себя. Все равно марал бы бумагу. Складывал буквы в слова, а слова в предложения. Вероятно, служил бы в газете «Южнороссийский рабочий». Возможно, дорос до зама главного – на главреда он даже в мыслях не замахивался, очень уж должность поганая, на ней не журналистские таланты скорее надобны, а дипломатические да чиновничьи, лизоблюдские.

Наверняка бы женился: сколько прекрасных дев вокруг него в девятом классе хороводы водило! И детишками обзавелся, и квартиру рано или поздно получил где-нибудь на Куниковке – если б повезло, то окнами на бухту.

Словом, ничем родной Южнороссийск поганой столицы не хуже. Зато сколько там плюсов! Нет давилочки, стрессов, пробок, смога! Нет снега. И есть – море.

Всем хорошо в милом городе. «Морские (или южные) ворота России», как его стали начальники помпезно называть. Тихая жизнь, без суеты и верчения.

Он бы и сейчас бросил все и уехал. Но, во-первых, литературный процесс. В том смысле, что надо в редакции с издательствами захаживать. И на «Мосфильм», и к продюсерам в разные киноконторы. Пусть чаще для того, чтобы очередной отлуп получить, чем гонораром разжиться. Но все равно: он на виду, дудит в свою дуду, плетет свою паутину, лоббирует сам себя. И вот глядишь, в одном журнальчике подрядили его колонки писать; на интернет-портале обзоры культурных событий вести; там – напечатали заметку, здесь – перевод. Словом, гуща событий. А главное, неизмеримо больше возможностей свой *главный труд* почтенной публике предъявить. Пока по частям: там – отрывочек, здесь – кусочек, еще где-то – конспект. Так, смотришь, в конце концов – КНИГА не просто выйдет, а еще и продаваться станет.

Но главный резон, почему Чельшев держался за Москву, заключался в другом. Он причину знал, но старался лишний раз ее не формулировать. И мысль эту не развивать. Потому что обидно. Потому что, если разобраться, – у него настоящая зависимость. И не от алкоголя! Что алкоголь – туфта! Пить можно всюду, где б ты ни жил. Не пить – тоже.

И не на наркотиках его страсть замешена, не на сигаретах. Наркотиков Сеня сроду не пробовал. Ни на Юге, где конопля свободно произрастает в живой природе. Ни в лагере, где благодаря убойной своей статье был он в авторитете и проблем разжиться при желании «герычем» не было.

Да и с коньяком и прочими напитками, он уверен, мог бы легко завязать. Просто – зачем завязывать? Если выпивка облегчает жизнь и, чего там греха таить, дает толчок творчеству? Приносит необычные сцепления и извивы мыслей?

Нет, не алкогольной была его зависимость. Она звалась иначе. Именовалась Настя. И еще – Николай. Не мог он без них. Хотя и не проживал теперь постоянно ни с женой, ни с сыном. И отношения их далеко не радужными были – скорее наоборот. Ругались гораздо чаще, чем разговаривали спокойно. А разы, когда они ластились друг к другу, вообще за последнее время по пальцам можно пересчитать. А вот поди ж ты. Если в течение дня он с ними хотя бы по телефону не поговорит, пусть очень кратко («Привет-привет, у тебя все в порядке?» – «Да. Ну, удачи, звони».) – начинает волноваться, изводиться, грустить. А еще лучше встретиться. И даже если нет предлога – изобрести его. Например, как сегодня. Когда он выдумал, что кредит за машину надо срочно оплачивать, поэтому «не принесешь ли ты мне, Настенька, мою долю от сдачи квартиры?».

Деньги – ерунда. И то, что они с женой, как всегда в последнее время, не поговорили, а поцапались, – не столь важно. Скорее наоборот. Раз ругаются – значит, равнодушно друг к другу. Хуже – если б были холодны как ледышки.

А для него главное, что он ее повидал. Понял: у Насти все в порядке. И не завелся у нее кто-то новый. (Это ж всегда по женщине видно, тем более – *своей*. Непременно заметишь, когда у нее *кто-то появляется*. Она тогда светиться начинает.) Но Настя – нет. Она спокойна и величава. И по-прежнему хороша, стильно одета и уверена в себе. Не молода уже, конечно. Не девчонка. Но женские спокойствие, уверенность и опыт, считал Сеня, куда ценней юных тугих грудок и налитой попки. В какой-то момент он вдохнул родной запах, исходящий от жены, и аж в голове помутилось. Так бы и схватил Настену, утащил, как бывалочи, к себе в нору и провел бы день, а потом и ночь, словно в прежние времена, не вылезая из постели.

Только... Все равно возникает вопрос: а что потом? Опять жить вместе? Ну допустим, они снова попробуют. И на второй же день начнутся споры-раздоры. Придирки и крики на ровном месте: ты куда пошел, да когда придешь, да почему (опять!) явился выпимши, да бро-сай ты этот проклятый ностальгический текст, напиши что-нибудь легко проходимое – к примеру, детективчик. И снова не будет ни спокойствия внутри, ни работы, сплошное нервическое дерганье. И – понесется снова по кругу, опять двадцать пять. Затем тяжелый скандал, хлопанье дверями, его побег, ночевки где придется... Нет, нет, хватит, это мы уже проходили.

И вот ведь! Когда четверть века назад закрывали его на зоне – в два раза моложе был и любовь его тогда никакими склоками и усталостью не омрачалась, однако смог вырвать Настю из своего сердца. Сказал себе: ты ее больше никогда не увидишь. Тебе надо с нею навсегда в своей душе распрощаться. И – все. И как отрезало тогда. Не думал о ней, заставлял себя даже не вспоминать ее. И получалось. Только, бывало, являлась она ему во сне...

А сейчас – что он за слабак безвольный? Почему без Насти и сына прожить никак не может? И вот ведь мало ему, что Анастасию свет Эдуардовну нынче днем повидал, еще и сына проведать нацелился. Причин у Арсения встречаться с ним никаких не было. И даже поводов – тоже. Тогда Арсений решил осуществить любимую штуку, уже не раз опробованную.

Слава богу, сын работал в центре. И на виду.

С Патриарших Сеня прошелся пешком до Пушкинской. Мимо дома на Большой Бронной проследовал, где целый учебный год прожил вместе с Настей в квартире ее деда, Егора Ильича Капитонова. Теперь те пятикомнатные хоромы стали основой благосостояния их семьи.

На Тверской сбежал вниз, в метро. А там – пара остановок, до Замоскворечья рукой подать.

И – вот он, магазин сети «Диск-Курс», где сын трудится: сплошные стеклянные витрины. Как раз он должен быть на месте (расписание его Арсений знал).

А напротив магазина, через переулок, кафе «Мармелад». Тоже по современной моде с окнами от потолка и до пола. Но у самой витрины там сидят одни эксгибиционисты, а чаще эксгибиционистки, ловят мужиков на живца. А если устроишься за столиком в глубине зала – со стороны тебя не видать, Сеня проверял. А уж из лавки, где сын работает, тем паче. Зато сам «Диск-Курс» как на ладони. И сын – продавец – тоже.

Время уже наступило обеденное. Для работы день все равно потерян, поэтому Чельшев заказал бизнес-ланч (заодно и подхарчимся) и сто граммов водки. Водка в кафе, известное дело, напиток наименее накладный. Не столь дорогой, как ром, виски или текила. Хотя у Арсения, еще помнившего бутылку «андроповки» за четыре семьдесят, сердце каждый раз сжималось, когда приходилось сто рублей за одну рюмку платить.

Вот, кстати, что надо будет внести в его «Лавку забытых вещей»: бутылка «андроповки». Невиданное дело на памяти целого поколения: чтобы в России хоть что-то *подешевело*! Ведь в то время обычно пол-литра водки стоило пять рублей.

Впрочем, книга подождет. Сегодня у него выходной. И вторая рюмка в день (с утра был коньяк) приведет его, он знал, причем довольно надолго, в благолепное настроение. И плевать, сколько та рюмка стоит. В кафе, как известно, платишь не за то, чтобы попить-поесть, а за антураж. За интерьер, за то, чтоб с улыбочкой принесли-унесли, за соседей за столиками. И – за вид из окна. В том числе – на магазин, где трудится его сын.

Вот и Ник появился в кадре. Молодой, розовощекий, сын выглядел стильно даже в униформе – магазинной футболке с логотипом. Иным модникам, с головы до ног упакованным в одежды от-кутю, такой небрежный лоск даже не снился.

Чельшев-младший тем временем прохаживался мимо стендов с продукцией: диски с фильмами, музыкой, играми. Покупателей не было. Но сын, казалось, их отсутствием не томился. Находился в гармонии с самим собой. Посматривал на телевизор над прилавком, который транслировал очередную новинку на ди-види. Арсений не сомневался: сынок это кино уже видел.

Николай был, как он сам себя называл, «киносаранчой»: в день обычно два-три фильма на дисках смотрел – на работе, а потом и дома (не надоедало ведь!). И притом еще каждый четверг выбирался на предпремьерный показ, на самый-самый первый сеанс новой ленты в столице. И бывало, вдобавок в субботу отправлялся в кинé (именно так, с ударением на последнем слоге, говорили в его кругах.) Впрочем, выходной визит зависел от состояния финансов, расписания рабочих смен и вкусов очередной девушки.

В итоге все равно получалось, что Ник в год свыше тысячи лент отсматривал. Да ведь столько и Голливуд, взятый вместе со всеми российскими студиями, не снимает! Да, не снимает – однако помимо новинок имелись еще огромные залежи синемадек. И теперь, когда любую киношку можно безнаказанно скачать из Интернета, – такие копи, рубины и изумруды, открылись, только руку протяни! Николенька всю киноклассику изучил, от Антониони до Эйзенштейна. Имел неплохое представление о румынском и чешском кинематографе, китайском и тайском, датском и исландском и даже иранском и афганском. Он говорил, что как всякий человек интересен – так и любой, пусть самый посредственный фильм по-своему хорош. В каждом есть или актеры, или сцены, или хотя бы пара кадров, достойных внимания и любви.

«Взять, к примеру, последний фильм, что Сталлоне снял, великий наш, хе, режиссер, – рассуждал, к примеру, Николенька. – «Неудержимые» называется. На первый взгляд – отстой из отстоев. На второй – тоже. Но и там есть любопытные моменты. Например, когда Шварценеггер рассыпается в комплиментах в адрес Сталлоне. А тот, в свою очередь, Шварца хвалит. А Брюс Уиллис им с насмешкой говорит: «Может, вы, ребята, удовлетворите друг друга орально?» Уиллис, Шварценеггер и Сталлоне в одном кадре – это сильно».

Тогда в ответ (заметив, что сын пребывает в благостном состоянии духа) Арсений шутиливо обозвал его «киноманом». Тот взвился:

– Никакой я не киноман! Киноман – это, знаешь, папа, такой томный мальчик, в одной руке сигаретка, в другой – чашечка кофе: «Ах, помните эти кадры в «Ностальгии»? Как там Янковский идет со свечой на ветру, сколько в них поистине экзистенциальной тоски...»

Николай настолько похоже изобразил пижона, что Сеня расхохотался.

– Ну, значит, ты синефил? – со смехом спросил он тогда.

– Па, перестань ругаться, ты еще «синяком» меня обзови.

– А кто же ты?

– А я просто зритель. Я кино люблю, и все тут. И память у меня хорошая, спасибо вам, папочка с мамочкой, стишки меня в школе заставляли учить. Поэтому я все-все фильмы, что посмотрел, запоминаю: кто играл, кто снимал, какой сюжет.

– Быть не может!

– А вот может. Ты проверь.

– Н-ну... Хотя бы «Тутси». Или «Милашка» в нашем прокате.

Арсений очень хорошо помнил эту ленту. Они с Настенкой смотрели ее весной восьмидесяти пятого в кинотеатре «Первомайский» за три дня до того, как его *взяли*. Последнее его кино на воле.

– Э, папуль, – снисходительно ухмыльнулся Николай, – ты б еще про «Некоторые любят погорячее» спросил! Фильм «Тутси» снял Сидни Поллак в тысяча девятьсот, м-м, восемьдесят втором году, в главных ролях Дастин Хоффман и Джессика Ланг. Сюжет пересказать?

– Спасибо, я помню.

– Еще хочешь попробовать?

– Ну, держись. В жизни не отгадаешь.

Арсений задумался. Нахлынуло воспоминание: он в командировке, в далеком северном городке Коряжма. Зима, снега, Советский Союз. В клубе идет на единственном сеансе – единственный фильм. Сеня пошел убить время. И оказался – единственным зрителем. В самом буквальном смысле. Один-одинешенек.

Но сеанс не отменили. Назначено – смотрите. Контролерша оторвала корешок билета, а киномеханик доблестно прокрутил картину. Что-то из грузинской жизни. Какая-то высокохудожественная лента – Сеня почти уснул. Пустой зал очень тому способствовал. Черт! Как она бишь называлась? Название вдруг вспыхнуло в его голове – как, бывало, перед ответом профессору всплывал безнадежно, казалось, забытый античный бог.

– «Древо желания»! – Вот как она называлась.

– Пф-ф, – фыркнул сын, – это ж классика. Тенгиз Абуладзе. Фильм снят в семьдесят седьмом году прошлого века на студии «Грузия-фильм», панимаешь!

– Слушай, Ник, – искренне восхитился отец. – Ты такой умный! – И зачем-то, идиот, добавил присказку, популярную с ранних капиталистических времен: – Что ж ты не богатый?

И парень, с которым у них в тот момент только наладился довольно редкий в последнее время разговор по душам, немедленно ошетинился и брякнул:

– А ты?

Тогда Арсений проглотил обиду. Потому что сын, конечно, был прав. И потому, что отец сам, что называется, первый начал. Но у Николая имелась железная отмазка: ему всего-то двадцать пять. А отцу в его годы, конечно, смешно уже рассчитывать на карьеру Ротшильда.

Но следующий разговор с сыном по душам – а беседовали они обычно при стандартно-российском антураже: на кухне, за пивом – закончился ссорой.

Арсений опять принялся учить сына жизни. Ненавязчиво и тактично, как он сам считал. Но то, что нам порой кажется образцом дипломатичности, другие зачастую воспринимают как вероломное вторжение в их частную жизнь. Особенно когда оба собеседника подогреты спиртным.

– Удивляюсь я тебе, – мягко пенял папая сыночку, и голос его звучал искренне, – ты умный, много знающий человек – и так мало используешь свой потенциал!

– А что я должен делать?

– Ну, я не знаю... Хотя бы универ закончить.

– А зачем?

Сеня тогда посмотрел на него и явственно увидел: тот и вправду не понимает зачем.

– Когда есть знания и *корочка*, возможностей больше открывается.

– Возможностей? Зачем, папа? – повторил молодой человек.

– Н-ну, я не знаю... – даже потерялся Арсений. – Вон, мне мама рассказала – тебе предложили стать управляющим магазином, а ты – сам! – взял и отказался.

– Ох, мамуля наша, язык у нее без костей! – воскликнул Ник. Мужской разговор потихоньку повышал градус. – Да, отказался. И что?

– Но почему?!

– А зачем мне это?! – в третий раз повторил сын. Он уже почти кричал.

– Как – зачем?! Ты продвигаешься вверх, и у тебя появляются новые возможности.

– За, – раздельно произнес Ник, – чем?!

– Ну ты заладил, прям как баран! Возможности – сделать карьеру, заработать больше денег, обрести власть!..

– Извини, папа. – Николенька понизил голос, но сказал обидное: – То-то я смотрю, как много у тебя, с твоим верхним образованием, и денег, и власти. И карьеру ты сделал умопомрачительную.

Сеня от обиды аж зубами скрипнул. Прикусил язык, чтоб не вырвалось гневное. Нет-нет-нет! Они ведь с сыном разговаривают как равные. Как взрослые, настоящие мужики, за пивком.

– Ну ты ведь знаешь мои обстоятельства, – миролюбиво махнул рукой Арсений. – Тюрьма, а потом эта перестройка в стране, два раза я поднимался – да вот снова наступил временный спад.

– Да потому, па, что ты всю жизнь свою гонишься за чем-то и, извини, не догоняешь. Во всех смыслах – не догоняешь! Не думай, что ты один такой проницательный! – Алкоголь и на сына подействовал. Иначе не стал бы он высказывать отцу откровенно то, что о нем думает. – Я же, папуля, вижу тебе насквозь. Ты всю жизнь свою на потом откладываешь. Ну ладно, лагерь. Там сам Бог велел считать дни до освобождения и мечтать, какая у тебя после того, как выйдешь из-за колючки, счастливая жизнь будет. Но ты ведь все время не живешь, а ждешь. Вот, мол, достигну чего-то – тогда заживу. Сначала ты мечтал разбогатеть через свой кооператив

акулий. И ждал – набьешь карманы, вокруг запляшут лес и горы. Да, разбогател. На короткое время. Но вокруг никакой лес и никакие горы не заплясали. Потом ты разорился. Остался у разбитого корыта. Теперь ты на свой труд гениальный все поставил. Мол, закончишь его, опубликуют, прославишься – и начнется у тебя совсем другая жизнь. Счастливая, будешь как сыр в масле! Тусовки, конгрессы, телевидение, успех!..

– Да откуда ты взял все это?! – в сердцах воскликнул Арсений.

– Думаешь, ты весь такой загадочный, как человек-невидимка и темный рыцарь в одном флаконе?.. Жизнь – она, папочка, начинается не завтра. Она происходит здесь и сейчас. Не надо ее на потом откладывать. Я живу сегодня. И наслаждаюсь этим. И делаю то, что мне нравится, а не для того, чтобы когда-нибудь, в неопределенном будущем, прославиться или разбогатеть! И я не хочу ради неопределенного завтра делать то, что мне НЕ ПРАВИТСЯ!

Последние слова парень почти выкрикнул.

Отповедь сына крепко задела Арсения за живое. Не будь они оба подогреты спиртным, он бы, верно, нашел в себе силы понять, что в словах Николая много правоты. И еще неизвестно, чей подход к жизни, его или сына, правильней. Да и вообще, можно ли его отыскать, этот *правильный* подход? И стоит ли о нем спорить?

Но алкоголь размывает оттенки и убивает полутона. Жизнь становится резкой и беспощадной, как лезвие. И когда сын закончил свой монолог, Арсений уже не чувствовал ничего, кроме гнева. Ярость заполняла его. И он закричал, не подбирая слов:

– Тебе легко говорить – жить здесь и сейчас! Чего тебе заботиться о завтрашнем дне?! Ты все свои двадцать пять лет – на всем готовом!

Тут и молодой человек вспылil.

– А ты?.. Можно подумать – ты?.. – Ник осекся.

– Я? Я – что?

Сеня вскочил, весь красный, навис над сыном.

– Да ты, – презрительно воскликнул тот, – ты уж пару лет на шее у матери, считай, сидишь!

И Сеня не сдержался. Хлопнул парня по лбу. Не ударил наотмашь. Не замахнулся. Сжал зубы от негодования – и просто обозначил удар.

Парень весь сжался в комок. Испугался.

Арсений и продолжал кипеть от злости, и жалел сына – но не придумал ничего лучше, чем выскочить в коридор, нацепить башмаки, хлопнуть дверью, выбежать вон.

Назавтра он позвонил Николаю. Покаянно, от всего сердца извинился. Голос сына звучал холодно и принужденно:

– Да, папа. Конечно, папа. Да, все нормально. Ты меня тоже прости.

Инцидент вроде был исчерпан, однако осадок остался. Николай сам Арсению не звонил. А когда тот снова, дня через три, набрал номер сына – теплоты в его голосе не прибавилось.

– Все в порядке. Просто очень много работы. Нет, идти никуда не хочу, некогда.

И опять на несколько дней разлилось тягостное молчание, ни приветов ни ответов.

Вот и пришлось Арсению, чтобы увидеть его, ехать к сыну на работу.

Махнув водочки и вкушая бизнес-ланч, он загадал: будет Ник в добром расположении духа, тогда он наберется смелости и подойдет к нему. А если нет – просто посмотрит и появится в другой раз.

Выглядел парень довольным жизнью и судьбой. Красивый, статный, чернобровый. Отец видел, как подошла к нему женщина – возраста, наверное, Насти. Стала о чем-то спрашивать. Коленька принялся вежливо и заинтересованно объяснять. Его лицо оживилось умом и обаянием. Арсений заметил, как смотрела на сына дама: этакая смесь материнской любви и тщательно маскируемой похоти. Ник протянул ей диск. Женщина поблагодарила, даже погладила

парня по руке и отошла. Арсений ощутил мгновенный укол зависти и ревности. Им, молодым, теперь принадлежат мир и женщины.

Тут он заметил, что, кажется, не одного его интересует витрина магазина «Диск-Курс». Что за притча?

По улице, по тротуару, прогуливалась девушка лет двадцати. В руках она держала помимо сумочки еще и небольшой букетик, завернутый в красивую бумагу: коротенькие тюльпаны, хризантемы, ромашки. Такие мини-пучки любят составлять в цветочных лавках из обломившихся растений.

Вот девчонка не спеша прошла вдоль витрины, пару раз исподволь глянув внутрь. Перешла на противоположную сторону улицы. Продефилировала под окном кафе, где сидел Арсений. Снова перебежала улочку перед медленно ползущим в пробке «мерсом». Опять минула «Диск-Курс».

Странная история! Как говорится, если у тебя паранойя – это не значит, что за тобой не следят. Девочка явно кого-то высматривала. А может, поджидала.

Одета юница оказалась невзрачно. Бывает, одежды у человека недорогие – но он умеет их носить щегольски (как в молодости умел Арсений, и эту способность унаследовал от него сын). Случается, наоборот, нацепит на себя гражданин целое состояние – а вещи дизайнерские сидят на нем хуже, чем на корове седло. С девчонкой было по-другому: настолько вся одежда невыразительная, что не поймешь, дорогая она, дешевая? Стандартный прикид: куртка, брюки, сумочка. Лицо тоже не особо примечательное – однако было в нем нечто, отчего казалось оно знакомым, уже где-то виденным. Может, и вправду он когда-то встречал сына с этой девушкой? Но во-первых, своих избранниц тот не афишировал. Двух-трех Арсению довелось повидать – но девушка была явно не из их числа, он бы запомнил.

А незнакомка тем временем совершила еще один круг – на этот раз прямо под окнами «Диск-Курса», не переходя на противоположную сторону. А потом, будто набравшись смелости, вошла в магазин. И напрямик направилась к сыну.

Тот явно видел ее впервые. На лице Николеньки отпечаталось радушно-вежливое выражение из разряда *«Чем я могу вам помочь?»*. Девушка с натянутой улыбкой произнесла пару фраз. Букет она прятала за спиной. На лице сына отпечаталось удивление. Потом его сменила растерянность. Он переспросил. Девушка ответила – и протянула ему букет. (Забавно было наблюдать за собственным сыном со стороны, когда он и предположить не мог, что за ним следят.) Лицо Ника вспыхнуло румянцем, он что-то ответил, через силу улыбаясь. А девушка развернулась и бросилась к выходу из магазина. Сын застыл у полок с дисками, очевидно ошеломленный. Девушка выскочила из «Диск-Курса» и довольно быстро двинулась прочь.

И тут Арсений совершил то, чего сам от себя никак не ожидал. Какая-то сила выдержала его из-за столика. Он вскочил, выхватил из портмоне пятисотенную купюру, сунул ее проходившему мимо официанту, бросил на ходу: «Сдачи не надо!» И выбежал из кафе, скатился по ступенькам.

Народу на улице, слава Богу, оказалось немного, и Арсений увидел в половине квартала от себя спину девушки. Она быстро удалялась. Он бросился следом. «Зачем?! – вертелось у него в голове. – Что я делаю?!» Однако какая-то неведомая сила – может, ангел, а скорее бес – гнала его за незнакомкой. Пришлось даже пробежаться немного.

Но потом, хвала Создателю, запал у девушки стал иссякать. Шаги ее замедлились. А вскоре в небольшом скверике, где росло три с половиной хилых дерева и стояло четыре скамейки, юная незнакомка остановилась вовсе. По счастью, одна из лавочек освободилась, и девушка подошла к ней. Повернулась лицом к скамье, спиной к прохожим, поставила сумочку, достала зеркальце и стала прихорашиваться.

Арсений тоже сбавил ход, медленно прошел мимо.

А потом вдруг развернулся и, преодолев смущение, подошел к девчонке.

– Извините, вы... – начал он.

– Чего тебе надо, папаша?! – с ходу и весьма нелюбезно отвечала девица, искоса бросив на него взгляд. Казалось, она ощутила приближение Арсения кончиками ушей – своих прелестных красненьких ушек. Он и все лицо ее рассмотрел – в профиль.

Вблизи девушка выглядела настоящим ангелом. Чистые, прозрачные глаза, тонкие черты лица, пухлые губы. И фигурка, насколько можно судить за довольно-таки бесформенным *прикидом*, едва ли не идеальная.

Девушка просто не умеет себя подать, подумал Арсений, как следует одеться, причесться, накраситься. Нет, видно, у нее денег, да и вкус не развит. Но в то же время, если девица возьмется за себя... Если вдруг достанет у нее средств и силы воли... Тогда она может наверняка стать настоящей звездой, красавицей.

В ее лице чудился по меньшей мере характер. И оставалась загадка: сыну она явно не знакома. С какой стати тогда она дарит ему цветы?

Арсений и спросил напрямую:

– Извините, но я видел, как вы подарили букет тому парню в магазине.

– И что?

– Могу я узнать почему?

– Папаша, иди в ж...у! – кратко ответствовала дама.

Нет бы ему уgomониться, но неразгаданная интрига язвила Арсения, и он быстро сказал:

– Поверьте, у меня нет дурных намерений. И я не из тех, кто пристаёт к девушкам на улице. Особенно к тем, кто вдвое моложе меня.

Девчонка внимательно оглядела «приставалу». На ее лице был написан нескрывааемый скепсис.

– Просто я увидел, как вы подошли к тому парню в магазине, Николаю Челышеву, – невзирая ни на что, продолжал Арсений. Глаза девушки выразили гнев, насмешку и удивление. – Увидел совершенно случайно! К их магазину я не имею никакого отношения. Вы спросите меня: кто я такой и откуда знаю парня? Не буду скрывать: я его отец. И зовут меня – Арсений. Арсений Челышев. Хотите, паспорт покажу?

Девушка удивилась, хмыкнула, а потом вдруг сказала:

– Хочу.

– Пожалуйста. – Он залез во внутренний карман куртки, достал документ, открыл его и продемонстрировал девчонке страничку с фотографией.

– Хм, – усмехнулась она. – И правда. Ну мне везет! Вы что же, целомудрие сыночка блюдете?

– Да боже упаси, какое целомудрие!

– А чего тогда от меня надо?

– Не знаю. Просто я заинтригован. Захотелось узнать, чем мой Коля заслужил цветы.

– Любовь у нас с ним неземная, – хмыкнула девчонка.

– Да бросьте! Я ж видел: вы с ним не знакомы.

– А вы, папаня, наблюдательный.

– Понимаете, – начал объяснять Челышев зачем-то (не иначе подействовала выпитая с утра пара рюмок), – у меня сейчас сложный период отношений с сыном. Мы поссорились. И даже не разговариваем. И если честно, я просто стараюсь понять его.

– Ах у вас сложный период... – скривилась деваха. – Не боитесь, что может стать еще сложнее?

Он никак не мог понять ее – словно она была инопланетянкой. Впрочем, лезть к ней в душу Арсений не собирался.

– Ладно, забудьте, – махнул он рукой. – Я ничего не видел, ничего не знаю. Пойду своей дорогой. А о вас как-нибудь спрошу у сына. Мы с ним помиримся, рано или поздно. – И он повернулся, чтобы отойти.

– Пойдите, – раздался голос ему в спину. – У вас есть сигаретка? Вообще-то я не курю, – начала оправдываться девчонка, – но раз уж такое дело...

Арсений вытащил из кармана пачку, протянул. Галантно щелкнул зажигалкой.

– А вы забавный, – молвила девица, вздохнула и почти упала, без сил, на скамью.

Арсений тоже достал сигарету и присел рядом.

* * *

В то же самое время к Чельшеву-младшему, ошарашенно стоящему посреди магазина с букетом в руках, подошел его коллега, нынешний управляющий магазином «Диск-Курс» по имени Антон. После того как Ник отказался занять этот пост, должность предложили ему. Однако Антон не забыл и, кажется, не мог простить, что Николаю отдавали предпочтение.

– Что за дела, Ник? Что за овца? С какой стати тебя букетом одаряет?

– А-а, – скривился Чельшев-младший, – забудь. Забей.

– Хм, нормально, да? Моему сотруднику деффчонка цветы в рабочее время дарит, а я, значит, забей? Может, вы тут какую аферу замутили – а, Бонни и Клайд? Может, большое ограбление готовите? – продолжал насмешничать Антон.

– Отстань, сказал тебе.

– Как – отстань? Ты ж при исполнении все-таки.

Все лицо у Николая горело. Вот так дела. Она сказала: «Спасибо, что помог моей сестре». «Кому я помог? Той девчонке ограбленной, которая из моей квартиры звонила? Подумаешь, дело большое».

– При каком таком «исполнении»? – буркнул в сторону ровесника-директора Ник.

– Согласно контракту, сотрудник «Диск-Курса» на работе должен работать, а не заниматься личными делами.

– Ах, извините, что я нарушил сияющий имидж сети «Диск-Курс».

Переговорить Чельшева нынешний управляющий не мог. Тот был умней, начитанней, остроумней. Поэтому Антон только буркнул: «Хватит тебе зубоскалить. Займись делом!» – и отошел.

* * *

В то же самое время Арсений сидел на лавочке рядом с девушкой, покуривал. Спросил:

– Тебя как зовут?

– А вам не все равно?

– Надо ж к тебе как-то обращаться.

– Алена.

– Значит, Лена?

– Нет, Алена.

– Выпить хочешь?

– Нормальная у вас дорожка, – усмехнулась девушка. – Сначала сигарета, потом выпивка. А что предложите дальше? Косячок? Или сразу в койку потащите – а, дядя Арсений?

– Да какой я тебе дядя! Племянница нашлась! Ты еще дедушкой меня назови.

Арсений достал из внутреннего кармана фляжку, хлебнул. Сегодня он объявил себе выходной, а в такой день грех было не выпить. С алкоголем он наконец-то забывал о работе, и накатывало блаженное расслабление.

– Что у вас там?

– Виски.

– Давай, Сеня, под дичь. – Девушка проявила знакомство с классикой. Если не начитанность, то хотя бы насмотренность. Арсений улыбнулся, показав, что оценил цитату, и протянул флягу.

Девчонка взяла и сделала пару глотков. Оценила в свою очередь:

– О, вкусно. Да, кстати, о дичи. Есть что-то хочется.

– Пойдем, угощу тебя.

– Эй, дядя Арсений, я не к тому. Я *просто* сказала.

– А я *просто* предложил.

– Не надо мне одолжений. Потом еще заставишь свою тарелку борща *отрабатывать*.

– А ты не веришь в нормальные побуждения? И нормальных мужчин?

– Мне такие что-то не встречались.

– Не повезло тебе. А Николай – он что, не нормальный?

– А я его не знаю.

– Почему ж ты ему букеты даришь?

– По кочану. А вообще – это тайна.

– Вот и раскроешь мне ее.

* * *

В ресторанчике девчонка не слишком терялась. Чувствовалось – ей не впервой.

«Да они сейчас все, – подумал Арсений о подростках, – рестораны чуть не с пеленок начинают посещать. Не то что я: первый раз в заведении побывал, после того как экзамены за восьмой класс сдал. В южнороссийском ресторане «Бригантина» при одноименной гостинице. Дед с бабулей тогда меня повели. Воспоминаний потом было! Разговоров!.. А во второй раз в ресторанцию я уже с Настей отправился, в столице, – в бар гостиницы «Москва».

Алена по-хозяйски взяла меню, стала листать. Только отсутствия маникюра смущалась, пальчики прятала – то в рукавах, то под столом. Заведение Арсений нарочно выбрал недорогое, без скатертей и пафоса. Чтобы самому не заморачиваться, да и чтоб девчонка расслабилась.

– Ты что-нибудь выпьешь? – спросил он.

– Да. «Маргариту». Можно?

– А тебе восемнадцать есть?

– Паспорт показать?

– Покажи, – совсем как она недавно, потребовал он.

– Ой, а я его дома забыла.

– Как же ты без документа по Москве ходишь?

– А, – махнула рукой девица, – ко мне менты не докапываются. Не похожа я на лицо кавказской национальности.

Арсений заказал себе коньяку и кофе. Алена – «Маргариту» и салат.

– Не наешься, – заботливо сказал Арсений.

– Я вообще ем мало, – отмахнулась девчонка. – Фигуру берегу.

Сене приятно было сидеть с ней за одним столиком. И не потому, что он чувствовал себя щедрым папиком, покровителем малолетки. Разве что совсем немного, чу-уть-чу-уть. Он ведь всегда мечтал о дочке, а Настя беременеть во второй раз отказывалась. А раз у него не получается контакт с сыном – можно хоть за счет постороннего ребенка удовлетворить отцовский инстинкт. К тому же от девушки исходила особенная, свойственная только молодым энергетика, и Арсений подзаряжался от нее.

Принесли еду и выпивку. Алена сделала добрый глоток «Маргариты» и, извинившись, вышла в туалет.

Арсений задумчиво попивал коньяк. Когда он *отдыхал*, ему было решительно все равно, что пить. Пусть коньяк ложился на виски, а виски на водку – голова потом никогда не болела. Наоборот, наутро после выпивки было легкое, эйфорическое, бездумное состояние. Похмелье Чельшев любил едва ли не больше самого опьянения. Вот если и назавтра пьянку продолжишь – то третий день оказывался совсем плох. Дрожали руки, и мучила совесть, и разум осознавал, что пора выходить из запоя – а телу и чувствам хотелось продолжать. «Но что думать о плохом, – оборвал он сам себя, – я завтра вовремя остановлюсь».

Если бы Арсений вдруг последовал за девушкой в туалетную комнату, он, надо думать, очень бы удивился и наверняка насторожился, услышав разговор Алены. Она из кабинки шептала в трубку мобилы:

– Да, я все сделала. И знаете, что еще? Я с папашей его познакомилась. Где? Он неподалеку был и эту сцену с дарением цветов видел. А Чельшев не знал, что папаня его видит. И теперь папашка меня пытается: почему я Коленке цветучки поднесла... Откуда знаю его? А он мне паспорт показал. Да, зовут Арсений. Да, фамилия Чельшев. Ща в кафе меня повел, «Маргариту» заказал. Че мне с ним делать?..

Потом в трубке стали выдавать какие-то инструкции, и девчонка только согласительно мычала и кивала. Потом спросила: «А сколько вы мне заплатите?» Видно, ответ ее удовлетворил, она солидно сказала: «Годится».

* * *

Тем временем в своем магазине Чельшев-младший все размышлял о цветах, подаренных девчонкой. Покупателей было мало, он ходил вдоль полок с сиди, дивиди и играми, и думал. Чтобы отвлечься, попытался вспомнить, в каком кино видел подобную ситуацию: незнакомая девчонка вдруг дарит цветы незнакомому парню, – не вспомнил и еще сильнее раздосадовался.

«Что за овца такая странная?! – все думал он. – Почему, за что? Она, правда, брякнула: «Спасибо за сестру». Неужели за ту самую, для которой я сумку выручал, да так и не выручил?»

Загадка, черт возьми. Две загадки: что первая девчонка, что вторая.

Он еще раз посмотрел на букет. И – разглядел: среди стеблей тюльпанов белела бумажонка. Он вытащил ее, развернул. Там не было ни слова, только десять цифр – телефонный номер.

* * *

Алена вернулась за стол к Арсению явно обрадованная и даже вдохновленная. Она причесалась и слегка глаза и губы подкрасила. Арсений удивился переменам в ее облике и поведении. Он даже поискал тому объяснение – однако ничего не придумал, за исключением: «Может, тест на беременность у нее нужное число полосочек показал». Он не знал, какое конкретно количество полосок нужно, в эпоху их с Настей юности не было еще никаких тестов. Однако Чельшев-старший не мог и предположить, что перемены в поведении девушки имеют непосредственное отношение к его персоне.

Алена принялась уписывать салат. У нее зазвонил телефон. Она глянула на определитель и досадливо выключила звук.

Арсений напомнил ей об обещании поведать, наконец, почему она одарила цветами его сына, – она в первый момент ответить не могла, так рот был набит. Потом отмахнулась:

– Да просто все, как шлагбаум. Даже рассказывать неинтересно.

– А мне слушать интересно.

– Короче, ваш сыночек чем-то помог моей подруге. Чем – не спрашивайте, я сама не знаю. А она у меня девушка скромная. Вот и попросила: найди его, поблагодари. Я и купила ему цветучков. Не бутылку же ему дарить. Это вранье, что мужики цветы не любят, ведь правда же? Все любят, когда им цветы дарят.

– Не знаю, мне не дарили.

– Что ж так плохо-то?

– Хотя – нет! Вру! Дарили! Например, на премьерах. Жена еще дарила на сорока... то есть на юбилей.

– А вы женаты? – заинтересовалась девушка.

– Нет. Ну, то есть официально – да, но мы с женой, матерью Николая, временно живем раздельно.

– А потом?

– Потом – что?

– Вы разведетесь? – две Алениных кисти разлетелись в обе стороны. – Или, наоборот, сойдетесь? – и она с озорным выражением постучала кулачками друг о друга.

– Откуда ж мне знать! Вместе нам тесно. А врозь вроде скучно.

– А вы чем по жизни занимаетесь? – спросила девчонка.

– Я пишу.

– Пишете – что?

– Разное. Сказки, например.

– Ска-а-азки? – девушка округлила глаза. – Аб-бажаю сказки.

– Например, «Три змея».

– Да?! Прикольно. Я мультик смотрела. Так это вы сочинили?

– Ага.

– А-а-а, так вы *тот самый* Чельшев? То-то, я смотрю, мне ваша фамилия знакома!

Да, «Три змея», история, написанная пятнадцать лет назад для маленького тогда Николенки, стала хитом. Сказку о трех воздушных змеях, одной девочке и двух мальчишках с тех пор напечатали более чем в миллионе экземпляров. И перевели на девять языков. А в прошлом году еще и экранизировали. Мультик, в котором не было ни одного слова, только посвисты разной тональности да музыка; мультик, сделанный на коленке за пригоршню долларов, был очень популярен в России. Его даже в Америку продали.

Ничего вроде особенного: трех воздушных змеев уносит ураган. И вот они, объединившись и подружившись со старым «кукурузником», ищут свой дом и хозяев. Они спасаются от хищных птиц, сражаются с боевыми самолетами... Однако были в книге (и, что удивительно, сохранились в фильме) остроумие и щемящие ноты. И зрители легко переходили от хохота к слезам, и наоборот.

Какие он может рассказать девчонке истории из киношного закулисья, чтобы ей было интересно? Мультик его никто не озвучивал, поэтому ни с Машковым, ни с Хабенским он чай не пил. Вспомнил:

– Ездили мы с фильмом на фестиваль в Ванкувер. Болтали с Клинтом Иствудом на приеме. Ему фильм очень понравился.

– Иствуд. А кто это?

– Вообще-то актер голливудский. А ты кого из актеров знаешь-то?

– Шайа ла Беф ничего. И Джеймс Франко.

– Ну, про них тебе с моим сыном надо разговаривать. Хотя с ним, наверно, лучше про Киру Найтли... А Ричарда Гира ты, к примеру, знаешь?

– Его – знаю.

– И с ним я болтал на приеме. Наше кино на «Оскара», может, выдвинут.

– Прикольно.

– А ты чем по жизни занимаешься?

«Никто так не интересен человеку, как он сам. Задавай вопросы о нем любимом – пусть рассказывает. Мало того, что все про него прознаешь, – еще и прослывешь прекрасным собеседником». Так Арсения наставлял когда-то его учитель в журналистике Ковалев, и Чельшев всегда – даже в частной жизни, когда хотел кому-то понравиться, – следовал его заветам.

– А, ничего особенного, – махнула рукой девчонка. – Я учусь.

– Где?

– Да какая разница! – досадливо бросила Алена. – Слушайте, Арсений: может, вы в кино меня пристроите?

– В кино-о-о-о... – протянул он.

– Что, не получится? Не уважают вас?

– Не в том дело. Знаешь, в архиве «Мосфильма» одна любопытная бумаженция хранится. Записка в дирекцию от режиссера: «Прошу предоставить диван для проб актрисы»...

– Ваш намек поняла, – сосредоточенно кивнула девчонка. – Нет, я, пожалуй, пойду.

– Подожди, я провожу тебя.

– Куда?

– До дома. Если хочешь, на такси.

– Нет уж. Я лучше сама. На метро. Сейчас полпятого, самые пробки начинаются.

– А ты в каких краях живешь?

– Я на «Измайловской». А вы?

– А я здесь, в центре.

И тут Арсений очень ясно представил, что будет, когда Аленка уйдет. Для начала ему станет чрезвычайно скучно без ее молодой, веселой болтовни, без хорошенького личика. Как следствие одиночества, он начнет звонить друзьям (может, даже кое-каким подружкам). Так однажды, двадцать лет назад, он позвонил Милене. Или, он уж забыл, в тот раз она позвонила ему? Не важно, но они встретились и провели вместе едва ли не неделю. То как раз был первый кризис его отношений с Настей. Сейчас наступил второй.

Но сегодня вряд ли кто-то на зов Сени откликнется. Кто может себе позволить спонтанно, в будни, броситься в разгул? Все изменилось. Все заняты, все работают. А даже если кто и вырвется (скорее, наверное, кто-то из мужчин), что тогда ждет его? Наверняка одно нытье. Или хвастовство. Или, что вернее, и то, и другое.

Но главное, это будет с кем-то другим, а не с ней, Аленой. Нельзя не согласиться: молодая девчонка явно лучше старого мужика.

И тогда Арсений накрыл ее руку ладонью и попросил:

– Не уходи. Посиди со мной еще.

– Нет, мне пора.

– Я прошу тебя. – Ее ладонь из своей Арсений не выпускал. Ему показалось, что в тот момент между ними проскочила какая-то искра, и она сказала:

– Ну, раз просите.

Он заказал для нее еще одну «Маргариту» и пятьдесят граммов коньяку для себя.

Что-то неуловимо поменялось на площадке. Нечто стало витать вокруг столика. Теперь их встреча больше походила на свидание, а не на родительское собрание. Арсений почему-то вспомнил, как давным-давно соблазнял в «Славянском базаре» Милену. Ему и сейчас хотелось дурачиться, рассказывать, покорять. И Арсению было о чем поведать крошке, годящейся ему в дочери.

Биография у него богатая. Ложное обвинение в убийстве. Тюрьма. Потом самоличное расследование и поиск убийцы. В восемьдесят девятом он возглавил один из первых медицинских кооперативов. Исцелял людей от рака. Был знаком с Ельциным. Во время путча делал репортажи из Белого дома. Работал в команде первого президента. Проталкивал его на вер-

шины власти в девяносто шестом. Но то все было, когда Алена еще не родилась или ходила в детский садик.

– У меня еще одна идея появилась, – вдруг изрекла Алена.

– И?..

– Нет, не сейчас. Я, пожалуй, поеду.

– Ну, как хочешь. Официант, счет! Проводить тебя?

– Нет, я сама. Дайте мне, что ли, визитку свою.

– Изволь. – Он достал из бумажника карточку.

– Чельшев Арсений, – с выражением прочитала Алена. – Журналист, сценарист. При-
чительно. Может, позвоню как-нибудь.

Глава 2

Настя

Когда-то она была влюблена в него. Сеня был для нее светом, жизнью – всем. Ради него Настя ушла от мужа, Эжена. И ни секунды не колебалась перед тем, как уйти. Она сбежала от успешного дипломата Евгения Сологуба в конце восьмидесятых, презрев все: благополучную жизнь и еще более многообещающее будущее. Отринула материальное: сытость, возможную границу, а также немалый вес, что имел мидовец в обществе. Она даже закрыла глаза на тюремное прошлое Арсения и его напрочь испорченную биографию.

Правда, и Эжен тогда, казалось, сделал все, чтобы оттолкнуть ее от себя. Изменял ей. Однажды даже поднял на нее руку – да еще прилюдно, прямо на улице. Словно специально совершал поступки один гаже другого – для того чтобы она сама выгнала его.

Но в конце концов он сбежал первым. И тем отпустил ее. Однако вариант собственного ухода Эжен выбрал самый для нее болезненный. Самый мучительный. Он словно нарочно (а может, и впрямь нарочно!) подыскал на роль ее преемницы женщину, которая причинила максимальное горе Насте. Да, своего первого мужа, Женю Сологуба, Настя запомнила таким: хитрым, коварным, злым, жестоким. Настоящим садистом в душе. Впрочем, пожалуй, не только в душе.

То ли дело Сенечка! Светлый, открытый, добрый, простосердечный. Испытания, выпавшие на его долю, тогда его не сломили. Наоборот, сделали даже более чутким, ласковым, заботливым. В начале их новой, второй попытки – на рубеже девяностых – Настя не сомневалась: Арсений – именно тот, кто ей нужен. Сам Бог велел им соединиться. Они должны быть вместе, и они вдвоем вынесут все, что им уготовила судьба. Они уже в ранней молодости прошли серьезные испытания. Вытерпели многое. И выдержат все, что им еще предстоит. И разделят на двоих любовь и жизнь.

Поначалу все именно так и было. Да что там поначалу! Они прожили, несмотря на все шероховатости, в любви и согласии довольно долго. И вырастили Николеньку.

Наверное, непонимание возникло, когда сын вырос. Так думала Настя. Когда он сформировался – тогда-то у Арсения и начались, как Настя называла, *завихрения*. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что «завихрения» – это, пожалуй, слишком мягкое словцо для поведения мужа. Сперва Настя терпела и старалась поддерживать мужа. Потом боролась за то, чтобы изменить его. И наконец устала, махнула рукой, отошла в сторону. Раз уж она так раздражает его, мешает ему – может, без нее ему станет лучше? Может, когда он окажется в одиночестве, поймет, какую она роль играла в его жизни? И найдет в себе силы перемениться?

Ведь Арсений сильный. Он всей своей судьбой это доказал. Почему бы снова не проявить хваленую волю?

Они разъехались – но официально пока не разошлись. Настя надеялась на возможные перемены в образе жизни Арсения. Но все шло по-прежнему: он не устраивался на работу и в тишине мансарды на Патриарших продолжал работу над своим, как говорил, трудом. И веры в то, что муж преобразится, становилось все меньше.

И жалко его было! Особенно когда они пребывали в относительной дали друг от друга и Сеня не маячил постоянно перед глазами. (Когда оказывался рядом, жалость мельчала, истончалась: в конце концов, он сам выбрал свою судьбу.) Настя хотела сделать что-то для него, помочь – но муж высокомерно отметал ее попытки. Что бы она ни делала: пыталась пристроить его на работу, приткнуть в журнал или в издательство Сенькину рукопись, – все им отверга-

лось с гневом и высокомерием. Все – кроме денежного вспомоществования. Его устраивала та малая сумма, что Анастасия отстегивала ему от сдаваемой квартиры. Плюс небольшие и нерегулярные гонорары. Деньги, подобным образом получаемые, видимо, вязались в голове Чельшева с образом (который он сам себе придумал): нищий, покуда непризнанный художник, работающий над трудом всей своей жизни в квартирке под самой крышей на Патриарших.

Ох, Сеня, Сеня! Сердце все равно болит за него. Что ж он оказался таким неприкаянным? А ведь огромные надежды подавал! И зарабатывал – дай бог каждому. И был (что главное) в ладу с самим собой и окружающими. Любил себя, любил ее и Николенку.

Если б она не верила, что муж опять способен перемениться и измениться, разительно, Настя, пожалуй, рассталась бы с ним навсегда. Но она верила. Верила – несмотря ни на что.

О муже Настя думала, когда ехала на своем джипе «Лексус» из центра Москвы в сторону области. Утренний час пик закончился, вечерний еще не начался, а обеденные машинные перемещения из офисов на бизнес-ланчи и обратно оказались не фатальными. Капитонова выехала с Патриков на Садовое кольцо, слегка потолкалась на Маяковке и Брестской. Зато после «Белорусской» Ленинградское шоссе понеслось. Насте всегда доставляло удовольствие ездить против потока: все тянутся к центру, а она несется к окраине. Впрочем, похоже, она против общего потока не только *передвигаться* любит, но и *жить*. Девочка с Большой Бронной, из цековской, суперобеспеченной советской семьи, бросила мажора и умницу Эжена Сологуба с блестящей карьерой, выскочила замуж за Арсения – без роду без племени провинциала из портового городишки. И кто теперь, по прошествии двадцати с лишним лет, был прав? Она ли, пошедшая наперекор всему и связавшая себя с Сенькой? Или ее мать Ирина Егоровна, которая устраивала брак дочери с великолепным Эженом?

Нет, бр-р, Настя нажилась с Сологубом. Ей хватило. Было бы ужасно весь свой век прокуковать с ним. С Арсением хоть минуты и часы счастья были... Да что там часы! Дни, недели, месяцы. Нет – годы! Да, у них были *годы* любви! «Вот именно – *были*», – с горечью поправила она себя. Любовь – уже в прошлом.

Капитонова ехала на объект. Так уж получилось, что она, вопреки настоящему призванию женщины – растить и воспитывать детей, – всю жизнь работала. Сначала в издательстве. А теперь, совершенно неожиданно для себя, нашла призвание в строительстве и ремонте загородных домов.

Начинала Настя свою (как писали раньше в биографиях) *трудовую деятельность* еще при социализме. И потому хорошо усвоила главное отличие нынешних времен от советских. Кстати, эту разницу – основной закон капитализма! – все никак не хотел (или не мог) понять (или принять) ее супруг. Раньше, в советские времена, главным было: *делать*. Не важно что. Теперь – время *продавать*. Продавать все на свете. В том числе и себя. Свою рабочую силу. Если ты занят день-деньской, крутишься как белка в колесе, а получаешь гроши – кто в том виноват? Только ты сам. Не умеешь подать себя. И – продать. Или делаешь то, что людям не нужно.

Так и Сенька со своим трактатом. Ему-то писать интересно. Он от своей книги кайф получает. Но не задумывается: а кто его труд потом купит? Кто за него заплатит? Кому теперь интересны воспоминания школьника советских времен, перемежающиеся назидательными размышлениями? Ну, может, издаст их какой-нибудь чужак тиражом одна тысяча экземпляров. Ну заплатят Сене гонорар тыщ пять рублей (в лучшем случае). И это за плод десятилетнего труда? Ночных бдений корректур?

Сама Настя творение Арсения не читала. Она не просила – а он, гордый, не навязывался. Оба, художник и жена его, словно соревновались в высокомерии.

Сподобился прочесть почти готовую рукопись Николенка. Сенька сыну очень доверял. И к его мнению прислушивался. Потому однажды, пребывая в добродушном состоянии, Арсений торжественно вручил ему флешку.

Тот прочел и вскорости поделился втайне от отца своим резюме с матерью: написано интересно, необычно, свежо – однако коммерческим успехом пользоваться никогда не будет. В нашей стране, во всяком случае. А кроме как в России – больше *оно*, творение папаши, вряд ли кому понадобится. Сын подтвердил самые худшие опасения Капитоновой: труду Сени уготована участь некоммерческого издания: скромный тираж, крохотный гонорар. Возможен, в лучшем случае, успех у критики. И как венец – литературная премия.

«Лучше б он, – в который раз досадливо подумала Анастасия про мужа, – о своем тюремном опыте написал, зубодробительный детектив какой, было бы больше толку. Вон, пижон Валерка с журфака лупит и лупит по клавиатуре, печатает сентиментальные романчики (под женским псевдонимом!) один за другим. Далеко не бог весть что, даже Барбара Картленд лучше, а все равно пипл, что называется, хавает. Но ведь наш Арсений го-о-ордый! Он на потребу толпы работать не станет. Вот и сидит без штанов...»

– Эй, ты, пацан! Ну-ка дал мне быстро закурить!

– Я не курю.

– Ах не куришь! А че тогда в нашем районе делаешь?

– С тренировки иду.

– С тренировки, да? Ты че – каратист, боксер или кто?

– Нет, я в футбол играю.

– За кого?

– Ни за кого. Просто за команду города.

– Ты это, по ушам тут нам не езд. Повторяю вопрос: за кого болеешь?

Чувствуя, что дело плохо, Андрей выбрал команду с самым большим, по его расчету, количеством болельщиков.

– За «Спартак».

– Ах ты мясник! Любишь мясо, да?

Первый удар последовал неожиданно – в живот. Дыхание перехватило, Андрей согнулся – и тогда его ударили по голове сверху. Он упал.

В любом случае шансов у него было немного: что он мог сделать, в одиночку против троих?

* * *

Незаметно для себя, за раздумьями, Настя добралась до подмосковного стародачного поселка. Она любила приезжать на объект раньше хозяина хотя бы на полчаса. Глаз у Капитоновой был наметан, и беглого осмотра порой хватало, чтобы увидеть, что сделано хорошо (такое все-таки изредка, но случалось). И где рабочие напортачили (а вот последнее происходило всенепременно!). И у нее оставалось еще время, чтобы к приезду заказчика затушевать недостатки. Или хотя бы самой предупредить о них. Не допустить, чтобы клиент их первым заметил. А достижения, напротив, можно ненавязчиво выпятить. И создать впечатление, что у нее все под контролем.

Возле участка в дачном поселке, что осваивала и застраивала Настина фирма, стояла раздолбанная «девятка» бригадира. Авто хозяина, слава богу, не было, (заказчик ездил на джипе, новеньком «Вольво»). Нынешний клиент, будущий хозяин особняка, был далеко не самым плохим вариантом: интеллигентный человек с тихим голосом и высшим образованием в бэкграунде. Скромный чиновник из министерства связи. Это вам не бандит, у которого на любую твою оплошность готов один ответ: «Я тебя, мля, в асфальт закатаю!» И не мент, и не прокурор – которые, как правило, не отличаются от бандитов ни взглядами на жизнь, ни лексиконом.

Конечно, это вопрос: откуда у чиновника взялись деньги на строительство загородного дома сметной стоимостью тринадцать миллионов рублей? Однако такие вопросы Настя не задавала ни Вернеру, совладельцу фирмы, ни (естественно) заказчикам, ни себе. И чинодрал – еще не самый плохой вариант. Он хоть на одном с ней языке разговаривает.

Настя припарковалась возле забора, рядом с машиной бригадира. Стала переобуваться. Ни одна стройка в России, пусть стоит великая сушь или (как сейчас) все усыпано снегом, не обходится без грязищи, даже в пяти километрах от Кольцевой. Поэтому для наездов на объекты у нее в машине всегда есть *сменка* – резиновые сапожки, да не простые, а от Пуччи, рисунк – эдакий взрыв из фиолетовых огурцов.

Настя скинула сапоги, уложила в шелковый мешок. Нацепила шерстяные носки, натянула ботинки. А когда подняла глаза – увидела, что рядом с ее бампером, впритык, остановился черный внедорожник. Дачная улица была совершенно пустынной – ни других машин, ни людей. Зачем человеку понадобилось парковаться именно здесь? Да еще вплотную? Неприятный холодок пробежал по позвоночнику. В наглухо затонированных окнах не разглядишь, кто в чужом авто восседает. Настя не стала выходить – наоборот, заблокировала двери. Позвонить, что ли, бригадиру, чтобы вышел из калитки, встретил ее, разобрался с незнакомцем?

Но тут открылась водительская дверца страшного джипа, и оттуда ступил на землю не кто иной, как Эжен. Ее бывший муж. Человек, с которым она рассталась двадцать лет назад и была уверена, что больше никогда его не увидит.

И вот Сологуб, собственной персоной! Верен своей привычке появляться неожиданно. Возникать внезапно. Другой если б решил повидаться после долгой разлуки, начал бы с электронного письма. С телефонного звонка. На худой конец, встретил бы ее возле дома или у офиса. Но этот, нате-здрате, явился на объект, в деревню – и сейчас будет вести себя как ни в чем не бывало, словно он случайно с ней столкнулся. Шпион несчастный! Эти мысли вихрем пролетели в голове Насти.

И вдруг ее охватило сильнейшее раздражение против бывшего мужа. Словно не минуло двадцати лет и они по-прежнему собачатся в кухне их роскошной квартиры на Бронной или в венецианском ресторане – словом, всюду, где она только с ним вдвоем ни оказывалась. Вот что значит выйти замуж за нелюбимого: вскоре тебя все в нем будет раздражать, каждая клеточка, каждая деталь!

Впрочем, если выйти за *любимого* – результат получится аналогичный. Лишь одно оправдывает брак по любви: наступает взаимное неприятие гораздо позже.

Эжен подошел к машине бывшей жены и по-хозяйски постучал костяшкой указательного пальца в тонированное стекло. У Насти было время, чтобы его рассмотреть.

Надо признать, выглядел первый муж неплохо. Особенно для своих пятидесяти лет: он-то женился на ней уже взрослым, сложившимся мужиком – она была малолеткой. Теперь пятилетняя разница в возрасте сгладилась. Он, конечно, состарился – но не фатально.

Были в облике Сологуба и другие позитивные перемены. Еще в молодости у него возникли проблемы с лишним весом – было бы логично, если б за эти годы он разбух, как квашня. Однако Эжен выглядел стройным. Даже, можно сказать, поджарым и мускулистым. И еще он был очень загорелым – в нашей стране нет солнца для такого коричневого оттенка. Даже если в Сочи живешь или, допустим, в Южнороссийске. И солярий подобного эффекта не дает. Вон, у бывшего супруга даже носогубные морщины и сеточка возле глаз отпечатались, словно фотографический негатив. И глаза на шоколадном фоне светились – ясные, острые, голубые.

Да, видок у него явно нездешний. Нынче иностранцы, экспаты и репатрианты узнаются не по фирменным шмоткам и запаху (как было во времена Настиной юности). Одеждами и дезодорантами россияне в массе своей уже, слава богу, овладели. Пахнут не хуже *форинов*, а одеваются зачастую даже лучше. Нет, теперь залетных птиц опознают по общей подтянутости, отсутствию рыхлости и живота.

Итак, Эжен, исчезнувший из жизни Насти много лет назад, провел их, очевидно, за пределами России. И вот – явился, не запылится! Настя гораздо больше чем удивилась или обрадовалась – разозлилась на Эжена. Надо же, словно и не расставались. Она опустила стекло.

– Нашел место для встречи! – бросила саркастически, не сказав бывшему мужу ни «здравствуй», ни «добрый день», ни «сколько лет, сколько зим».

– Здравствуйте, Анастасия Эдуардовна, – с церемонной улыбочкой, будто на дипприеме, молвил он.

– Привет, коли не шутишь, – усмехнулась Настя.

Эжен стоял в метре от ее машины, не приближаясь и не увеличивая дистанцию. Смотрел на нее вроде бы ласковым взором – впрочем, он прекрасный актер, мог своим лицом изобразить на заказ любую эмоцию. Даже в нужный момент *блеснуть послушной слезой*.

– С чем пожаловал? И зачем? – хмуро поинтересовалась Настя.

– Поболтать. Мы ж с тобой со всех сторон, как ни крути, родственники. Бывшие супруги. А теперь я женат на твоей матери. Твой получается, хм, отчим.

Говорил он с легчайшим, почти незаметным, но акцентом. Многие соотечественники, особенно эмигрировавшие в англоязычные страны, начинали в конце концов разговаривать с немножко иным, нездешним ударением.

– Ты выпрыгиваешь, как Петрушка из-за занавеса! – усмехнулась Капитонова. – Мог бы позвонить заранее, встретились бы не впопыхах, поболтали.

– Давай поболтаем.

– Занята я сейчас. Как ты здесь-то оказался?

Эжен юмористически развел руками: мол, чистое совпадение, глубокоуважаемая синьора.

– Значит, навел обо мне справки, – продолжала Капитонова. – Тебе известно, где я работаю и зачем сюда прибыла. Ладно, если хочешь поговорить, подожди. Сейчас клиент подъедет объект осматривать. Мне надо глянуть до него, что там мои рабочие наворотили.

– Напрасный труд.

– В смысле?

– Твой заказчик не подъедет.

– Откуда ты знаешь?

– Поверь.

Тут в сумочке у Насти зазвонил мобильник.

– Скорее всего, это твой клиент, – кивнул на аппарат бывший супруг. – Извиняться будет.

И точно: телефонировал пресловутый чиновник. Говорил смущенно, просил прощения, что ее подвел и приехать не сможет. Настя была сама любезность, а когда нажала на «отбой», бросила мрачно:

– Это ты все подстроил.

– Теория заговора? – понимающе поднял бровь Эжен. – Это мне знакомо. Во всех бедах на свете виноват бывший муж, да? Но не в этот раз.

– Откуда ж ты знал, что мой клиент на объекте не появится?

– Считай, что это маленькое чудо. Волшебство.

– Ага, а ты Дед Мороз. Или Санта-Клаус.

Настя упрямо поджала губы. Нажала единицу на мобильнике. Под номером один у нее в быстром наборе значился офис. А муж Сеня обозначался нулем – только не надо говорить, что по этому поводу сказал бы старик Фрейд!

В трубке прозвучал медовый голос секретарши Людки:

– Дизайн-бюро «Архимед», слушаю вас!

– Людочка, меня сегодня кто-то искал?

– Да, Анастасия Эдуардовна, заходил такой импозантный мужчина...

– Загорелый и подтянутый, но пожилой?

На слове «пожилой» Эжен ухмыльнулся.

– Да, а что? – В телефонном голосе Люды прозвучала смятение. – Нельзя было ему сообщать, где вы? Он сказал, что у него для вас и герра Вернера большой заказ будет.

– Понятно, – саркастически заметила Настя. – А еще что он изрек?

Смятение секретарши переросло в панику.

– Он сказал, что хотел бы на объекте побывать. А заодно познакомиться с вами. Говорил, что особняк на восемьсот квадратов на Новой Риге собирается нам заказать! – как козырной аргумент выдала секретарь. – Вот я и...

– Люда, – в сердцах сказала Настя, – сколько раз я тебя просила: не надо выдавать лишнюю информацию!

Капитонова повторила любимое выражение деда. «Не надо выдавать лишнюю информацию» – это было одной из важнейших жизненных заповедей кандидата в члены ЦК КПСС Егора Ильича Капитонова².

– Простите меня, Анастасия Эдуардовна, – залепетала Людочка.

– Бог простит! – Настя нажала «отбой» и досадливо молвила: – Болтунья эта Людка, уволью ее!

– Тогда уж казни лучше меня! – шутливо покаялся первый муж. – Это я соблазнил бедную девушку, *мне* она доверила драгоценную информацию. Я использовал ее и бросил!

– Да, по части использовать и бросить ты мастер, – вздохнула Настя. Ее злость куда-то испарилась. Она знала фантастическую способность Эжена влиять на людей. Даже она не стала в свое время исключением. Вызывать доверие, вызнать разного рода сведения, убеждать – в этом дипломату (и, как Настя предполагала, шпиону) Сологубу не было равных. Профессия такая. И хватки своей за эти годы он не растерял. Значит, от дел не отходил? Значит, постоянно *практиковался*?

– Ну, садись ко мне в машину, – уже вполне миролюбиво предложила Настя. – В ногах правды нет.

– *Но правды нет и выше*, – буркнул бывший супруг, обошел ее «Лексус» и уселся на пассажирское сиденье.

– Что привело тебя ко мне? – спросила Настя. – Только не нагромождай диких историй, как ты умеешь. Давай коротко и ясно.

– Мама пропала, – лапидарно ответил Эжен, а потом пояснил, словно Настя не могла усвоить с первого раза: – Мать твоя исчезла, жена моя нынешняя, Ирина Егоровна.

– Хм? Может, у нее Альтигеймер начался? – усмехнулась Капитонова.

– О чем ты говоришь! – поморщился он. – Какой Альтигеймер?! Ей шестьдесят пять!

– Ну да, совсем еще девочка.

– Не надо так громко ревновать, Анастасия Эдуардовна.

– Вот еще! – Она дернула плечом. Сологуб помнил этот ее жест со времен юности. И он любил его. То была целая эпоха в его жизни: четыре года, когда он, как султан, паша, Гумберт Гумберт, жил одновременно и с матерью, и с дочерью.

– А почему ты *здесь* ее решил искать? Думаешь, я в этом замешана? И в багажнике своей машины вожу мамин хладный труп?

– Ох, Настя. Ты стала очень резкой. Подожди, не кипятись. Согласись: раз я приехал к тебе – значит, у меня имелись на то основания.

– Основания? Какие?

– Веские, Анастасия Эдуардовна, веские.

² О Капитонове и его семье рассказывается в «Черно-белом танце» и «Последнем герое», А. и С. Литвиновы, издательство «Эксмо».

«Нет, с этим Эженом просто невозможно. Как был хамелеоном, так и остался. Ни слова в простоте, все время с ним надо быть в напряжении. Сеня хоть свой, понятный, близкий!.. Ах, да что я до сих пор их сравниваю!» – досадливо оборвала она себя.

– Поясни уж, сделай милость.

– Мы с гражданкой Ириной Капитоновой, матерью твоей, – начал Эжен, – проживали в Пало-Альто, штат Калифорния, США. Как ты, наверное, знаешь, у Ирины Егоровны был рак.

– Еще бы *мне* не знать! Все-таки мы с Сеней ее тогда вылечили.

– Ну-ну, – саркастически молвил Эжен.

– А что – нет?

– В некотором роде, конечно, можно утверждать подобное, – обтекаемо молвил бывший супруг.

«Он – мой отчим, подумать только! – мелькнуло у Насти. – И все эти годы прожил, надо же, с моей матерью, не развелся».

А Сологуб меж тем продолжал:

– У Ирины Егоровны действительно в девяностом году наступила стойкая ремиссия. Но болезнь никуда не делась. Однако твоя мать внимательно следила за своим здоровьем. Каждые полгода проходила полную диспансеризацию. И много лет все было в порядке. Но, как известно, рак никто еще не смог победить. Твой Сенечка не исключение. И недавно ей сказали, что конец близок – вопрос трех-четырех месяцев. И Ирочка впервые пала духом. Много плакала. Жалела себя. А потом вдруг исчезла.

– И ты думаешь, что она приехала повидаться со мной? Мог бы позвонить мне, спросить. Не пришлось бы тебе из-за океана в Москву тащиться.

– Она очень изменилась в последнее время. В лучшую сторону. Стала мягкой, кроткой.

– Она, может, и изменилась. И стала на старости лет сентиментальной. Но, по-моему, я – совсем не тот человек, которого она хотела бы увидеть перед смертью.

– А я разве говорю, что она приехала к *тебе*? Она приехала в Россию.

– Почему ты так уверен?

– Есть основания.

– Господи, Эжен! Я терпеть не могу твои недомолвки! Неужели нельзя толком сказать, *почему* ты думаешь, что она – в России?

– Ты знаешь о таком понятии: прайвеси? Так вот, в Америке оно свято соблюдается. А у вас в стране – нет.

– Что ты хочешь сказать?

– Господи, почему тебе обязательно надо называть все вещи своими именами! Короче: мне сообщили, что Ирина Егоровна прилетела в Москву, прошла таможню в Шереметьеве.

– А, вот оно что! У тебя везде есть информаторы! Ну, могу тебя *проинформировать*: на моем горизонте мать не появлялась.

– А на горизонте твоего Арсения? – быстро переспросил американский гость.

– Зачем?! Попрощаться с бывшем зятем, которого она в свое время упекла за решетку?

– Арсений помог ей однажды...

– Во-первых, спасла ее – я. А во-вторых, если тебя интересует, видел ли маму Сеня, почему бы тебе не спросить его?

– Вы с ним муж и жена, – с тонкой язвительностью промолвил Эжен. – Как говорится, одна сатана.

– И все-таки спроси его сам!

«Не стану рассказывать бывшему мужу, что у меня и со вторым не ладится и мы с Сенечкой разъехались».

– Спрошу. Обязательно спрошу. Его телефон... – Эжен по памяти продиктовал номер мобильного Арсения.

– Да.

– А твой?.. – Он назвал цифры и снова попал в самую точку.

– Я вижу, ты, как всегда, хорошо осведомлен, – усмехнулась Настя.

– Одна к тебе просьба, дорогая, – будто не замечая колкого ее тона, молвил Сологуб. – Вдруг Ирина появится на твоём горизонте – дай мне знать. И еще: напиши ей, пожалуйста. Уговори если не вернуться, то повидаться. Адрес ее электронный легко запомнить: иринасологуб-собака-йаху-ком.

– Хорошо, – снова дернула плечом Анастасия. – Раз ты просишь. А ты о себе хоть пару слов скажи. Просвети меня: как живешь, чем занимаешься?

– Обязательно расскажу. Чуть позже.

– Есть ли у вас с моей матерью дети? У меня сводный братик или сестричка не подрастает?

– Да какие там дети! – махнул рукой экс-супруг и приоткрыл пассажирскую дверцу капитоновского «Лексуса».

– А что ты так забеспокоился? Ну подумаешь, человек перед смертью решил поклониться родным осинам. Или, допустим, встретиться в Москве с каким-то мужчиной. Почему ж ты Ирине Егоровне мешаешь?

– Не в этом дело, – поморщился Эжен. – Ты всего не знаешь.

– Так просвети!

– Просвещу, Настенька. Обязательно просвещу. Но не сейчас. Понимаешь, у меня действительно мало времени.

И «американец» выпрыгнул из Настиной машины, быстро пересел в свой «мерс» – и был таков, порулил по деревенской улице.

Настя ругнулась: «Что за человек! Выскочил, ошеломил, шумел, умчался! И все-таки... Эжен, пожалуй, переменится к лучшему. Похудел, постройнел, помягчел. Настенькой вон назвал».

И она опять, помимо собственной воли, сравнила его со вторым своим мужем и вдруг отчетливо поняла, что *теперь* Евгений Сологуб, пожалуй, выглядит лучше Арсения Чельшева. Впрочем, общалась она с ним слишком мало и поверхностно (опять осадил Настя себя), чтобы утверждать это наверняка.

Ирина Егоровна

Удивительно, но у Ирины Егоровны, матери Насти и жены Эжена, теперь почти все время было хорошее настроение. Чему, казалось бы, она, умирающая от рака, могла радоваться? А вот поди ж ты! Радовалась, что у нее ничего не болит. Что, как заверяли и врачи, и Курт, ничего и не будет болеть. Однажды она просто тихо уснет и не проснется.

А еще она радовалась тому, что пока просыпается. Что наступает еще один день, когда она сможет наслаждаться небом, солнцем, деревьями, птицами и даже людьми. Надо же, она никогда не думала, что ей могут быть приятны соотечественники. И еще она, как ни странно, радовалась России.

Ирина Егоровна покинула страну, когда та еще называлась СССР – последние месяцы, но называлась³. Она не была на родине больше двадцати лет. В воспоминаниях отчизна ей виделась так: вонючая толпа на плохо освещенной улице стоит в очереди за туалетной бумагой. Однако первая встреча с нынешней Россией – московский аэропорт – ошеломила ее. Ирина не узнавала окружающего: светлые залы, хорошо одетые, пахнущие парфюмом господа. И все говорят по-русски! Последнее было самым необычным, самым чудным и чуждым. Нигде за

³ Об этом рассказывается в романе А. и С. Литвиновых «Черно-белый танец», издательство «Эксмо».

последние двадцать лет Ирина не слышала так много русской речи. Она бывала в русских церквях – в каждом городе заходила во время путешествий, где они только с Эженчиком ни бывали – благо легенда позволяла, более того, *толкала* в объятия православия. Но даже в храмах по-русски говорили двое-трое престарелых прихожан, акцент которых, как и вкрапления иноземных слов, был неистребимым. А тут на родном языке изъяснялись все. И даже бросившийся к ней предводитель таксистов с пластиковым бейджем на вые после заученного английского: «Where're you going to go, m'am?» – спросил по-свойски: «Куда, дамочка, поедем?» Она схохмила, сначала с акцентом южных штатов бросила: «I'd like to go to the city center. How much?» И когда мужик брякнул: «Two hundred bucks», – она с огромным наслаждением выдала на чистейшем, великом и могучем, живом и свободном: «Пошел ты нах, парень!» Обалдевший таксист в ходе последовавшей затем краткой торговли упал до семидесяти долларов. Он другим шоферам ее не передал, решил везти необычную пассажирку, загорелую и подтянутую, настоящую американскую тётку, самостоятельно.

Ей даже радио «Шансон» в такси понравилось. А когда садилась в машину, долетел обрывок разговора, который она поначалу не поняла: «У него просто *баиню снесло!*» – «А мне *фиолетово*, ты что, *не догоняешь?*» Лишь позже, запомнив и проанализировав диалог, Ирина Егоровна поняла, что имелось в виду. Так сказать, *догнала*: «Он *сошел с ума!*» – А мне все равно, ты что, *не понимаешь?*» Ей, пожалуй, «заново придется учить русский!»

А это огромное скопление автомобилей на улицах! Да какие дорогие машины! И пусть по Москве проехать невозможно, сплошные пробки, а автомобили все грязные – но ведь ни в одной европейской столице нет такого количества джипов и «Мерседесов». Да и сам город хорошо освещен, блистает неоном, полно магазинов очень недешевых марок, включая, к примеру, швейцарские часы «TAG HAUER». А рекламные плакаты вообще застилают небо. Рас-тяжки, билборды, тумбы, разрисованные троллейбусы и остановки. По количеству рекламы Москва скоро с Нью-Йорком сравняется!

Словом, в новой, богатой, бурлящей столице Ирина Егоровна вдруг ощутила себя так, как чувствовала студенткой-первокурсницей: юной, полной жизни. Словно энергия шумного и динамичного города перелилась в нее и она готова немедленно включиться в борьбу, труд, праздник!

У Капитоновой-старшей был, конечно, искус поехать прямо в свою пятикомнатную на Бронной. Однако она ничего не знала ни о дочери, ни о внуке, ни о квартире. Кто знает, может, жилье продали, сдали, сменили... К тому же в Москве у Ирины Егоровны имелось одно немаловажное дельце. Курт, конечно, хорош – но больше всех она верила своему прежнему эскулапу из бывшего четвертого управления Минздрава СССР. Аркадий Семенович тогда принес ей радостную весть, что болезнь отступила. Может быть, билось у нее отчаянное желание, он снова опровергнет ее диагноз? Скажет: ты исцелилась?

Старый лекарь нынче работал в частной клинике на Волоколамке. И он уже забронировал для своей давней пациентки палату: «Приедешь, быстренько сдашь анализы – и гуляй на все четыре стороны». Из Шереметьева было ехать очень удобно – полчаса, и они уже там.

Настя

После того как в девяносто первом году мать сбежала за границу с Эженом, Настя ни разу с ней не виделась. Но вспоминала о ней часто. Даже слишком часто. Однако думала она об Ирине Егоровне больше в прошедшем времени. Словно тогда, в девяностом, они с Сеней не спасли, не вытащили ее с того света – и она благополучно отплыла в царство мертвых.

Настя вспоминала, как воспринимала мать, будучи совсем маленькой. Как до дрожи, до обморока боялась ее. Каким непререкаемым авторитетом та была для нее в подростковом Настином возрасте. И даже став студенткой, она во всем слушалась мать. И пошла наперекор

только однажды, начав жить с Арсением. Как страшно кончилось то послушание! Смертью деда и бабки, ужасным приговором для Сени. И ведь не мытьем, так катаньем, через трупы, горе и кровь, настояла мать на своем: выдала Настю за Эжена. Но для чего этот брак был нужен самой Ирине Егоровне? Неужели она хотела таким образом развязать свою порочную связь с Женькой – который был на четырнадцать лет ее моложе? Или, напротив, планировала тогда крепче привязать Эжена к себе? Под прикрытием его брака со своей дочерью продолжать резвиться с ним в койке?

Вопросы, вопросы...

Вот о чем спросить бы сейчас мать. И почему-то ей кажется, что нынче, когда Ирина готовится предстать перед Ликом Великого Судии, она бы ей, Насте, все рассказала. И может, ответила бы на самый главный, самый греховный и таинственный вопрос: замешана ли Ирина Егоровна в убийстве собственных родителей? Правда, родителей приемных – но они вырастили ее, дали образование. Которых она по-своему любила, а те любили ее. Правда ли, что, как писал в своей покаянной тетради душегуб, Ирина Егоровна *заказала* своих отца и мать? Или то была напраслина, которую нагромоздил свихнувшийся от чувства вины убийца?

Настя не раз думала: эх, встретиться бы с матерью! Посмотреть на нее – хотя бы одним глазочком! Поговорить по душам – как они в первый (и, как оказалось, в последний) раз говорили. Тогда – в девяностом, когда Настя временно ушла от Арсения... Однако Ирина Егоровна все эти годы никак себя не проявляла. Ничего: ни письмеца, ни звонка, ни привета, переданного через надежного человека. Настя бы и сама разыскала мать – порой так хотелось увидеться с ней, поговорить...

Но как? Она ничуть не сомневалась: Капитонова-старшая живет за границей не под своим именем. Значит, совершенно невозможно вычислить, где она скрывается.

Единственная ниточка – в девяносто первом, когда мать сбежала, она не знала ни одного из иностранных языков. Из школьного «дойча» помнила лишь «хальт» да «битте». Поэтому, предположила Настя, совсем без языка Пушкина и Чехова она не сможет. Ей будет нужна русскоязычная среда. Настя даже позже, когда в стране появилась Ирина, просмотрела профайлы социальных сетей. Искала проживающих за границей женщин подходящего возраста. Однако титаническая работа не принесла никакого результата. Ей не попалось ни одной дамы, похожей на мать, – ни под каким именем или ником. То ли игнорировала Ирина Егоровна социальные сети, то ли зарегистрировалась под псевдонимом и фотографию свою не разместила...

В итоге Капитонова-младшая даже не знала: жива ли мать, нет ли? Но почему-то в глубине души была уверена, что та жива. И почему-то не сомневалась, что рано или поздно бабушка Николеньки даст о себе знать.

И вот – случилось.

Ирина Егоровна

Вот теперь ей точно конец. Главное ведь даже не самочувствие. И не объективное состояние, которое Аркадий Семенович зафиксирует при помощи своих мудреных приборов. Главное – настрой. В прошлый раз, много лет назад, когда ей объявили приговор, Ирина почувствовала ярость, она готова была бороться и ничего и никого не щадить в этой борьбе: ни себя, ни денег, ни родных, ни самолюбия. А теперь, узнав от Курта о прогнозе, она ощущала лишь беспредельную усталость. И даже облегчение. Ну что ж, значит, пора, думала она. Надо *собираться в дорогу*. Пожила я славно. Много любила, много наслаждалась. Но и страдала. И плела интриги. И – побеждала.

И сейчас она воспринимала собственную жизнь – в прошедшем времени. Как будто бы все *уже миновало*. Ирина где-то читала: йоги полагают, что смерть не приходит к человеку в одночасье. Он в свое время готовился к рождению – в течение девяти месяцев в утробе матери.

И ему надо подготовиться к смерти. Вот и Ирина Капитонова поняла, что вступила на дорогу, ведущую к кончине. Ей надо распрощаться со всем, что ей дорого на земле.

И еще – узнать одну жгучую тайну.

Последнюю тайну, что не давала ей покоя.

История началась пару месяцев назад. Тогда она отправилась отдыхать на Острова.

Их отношения с Эженом в ту пору переживали очередной кризис. Еще бы: ведь Сологуб на четырнадцать лет моложе Ирины. И если ее опыт, фантазия и ум возбуждали его, когда он был подростком, а она – юной дамой, провоцировали, когда ей стало под сорок, а он оставался молодым человеком, вдохновляли, когда он достиг зрелости, а ее тело стало чуть увядать... Но теперь Эжену справили пятидесятилетний юбилей. А Ира вышла из «цветущего возраста» (склонные к комплиментарности западные врачи именно этим термином именуют время от «полтинника» до шестидесяти) и стала самой настоящей бабушкой. *Бабулей*. А как иначе, если ее далекому, оставшемуся в Москве внуку Николеньке уже за двадцать и он запросто может сделать ее (или уже сделал!) прабабушкой!

Вот ведь как. Когда она была девочкой, думала, что романтические отношения и постельные эскапады кончатся к тридцати. Став девушкой и вкусив запретного плода, она мысленно отодвинула рамки *конца* к сорока. В тридцать – о, какое далекое и счастливое было время! – ей стало казаться, что можно протянуть и до пятидесяти. И вот теперь оказалось: даже пенсионный возраст – время, открытое для любви. Боже мой, да она только вошла во вкус! Чувства стали такими глубокими, нежными. Она ощущала себя молодой. Ей хотелось быть ветреной, пленять, сводить с ума, соблазнять! И порой даже казалось странным, что незнакомые мужчины смотрят сквозь нее, не замечая или отводя глаза. Но когда Ирина подходила к зеркалу, она с горечью понимала почему. Она – старуха.

А у Эжена начался жизненный период, точно описанный русской поговоркой «Седина в бороду – бес в ребро». Он и раньше-то разборчивостью не отличался. На пятидесятилетнем рубеже его стали возбуждать только молодые девчонки – причем чем моложе, тем лучше. К огромному сожалению, и он – стройный, опытный, чувственный – имел успех у неразборчивых девиц.

И последовали долгие вечера одиночества. Выпивка. Дикий страх, что однажды он уйдет совсем. Ужас этой мысли заглушал только алкоголь.

К тому же у них с Эженом не было собственных детей. Она перебралась на Запад слишком поздно. В девяносто первом, однако, они еще могли бы *попытаться* – ей тогда лишь минуло сорок пять. Но ЭКО, эта палочка-выручалочка для бездетных, делало тогда только первые шаги. А она, Ирина, – делала первые шаги в *новой жизни*. Требовалось учить язык, обустраиваться, выбиваться в люди. И *свое время* для новых детей Ира упустила.

У нее оставалась в Москве дочь Настя и любимый внучок Ник. Она часто вспоминала о них. Едва ли не ежедневно. И даже – ежечасно. Ирина Егоровна никогда не думала, что тоска по ним будет столь глубокой. А повидаться – или хотя бы поговорить по телефону, черкнуть письмецо – нельзя. О том, что происходит с ними в далекой России, она не знала. Эжен категорически запрещал ей любые контакты с родными. Это было частью их сделки. Ведь она жила за границей под чужим именем, с чужой биографией. Любая попытка оглянуться на свое прежнее бытие означала провал.

Однажды Ирина решила сделать Эжену подарок: поездку на Острова. Ей мечталось: там, под жарким солнцем, в пятизвездной лачуге, крытой пальмовыми листьями, в их отношения вернется былая чувственность и романтичность.

Однако стало только хуже. Сологуб вроде бы честно собирался на отдых, даже купил себе комплект дайвера: маску-ласты-трубку и костюм. Но за день до вылета огорошил Ирину вестью: я поехать не могу, форс-мажор, дела не отпускают, извини. И она впервые в отношениях с ним дошла до настоящего боестолкновения: запустила в мужа тяжелым стаканом с

виски. Эжен увернулся, бокал врезался в стену, рассыпался на мелкие осколки; муж только похохатывал.

Ирина Егоровна ушла рыдать в свою комнату, а через час, умывшись, с сухими и злыми глазами, объявила супругу свое решение: она едет на Острова одна и будет там весело проводить время. «Пожалуйста, мамочка, пожалуйста», – ухмыльнулся Эжен. В подтексте слышалось: «Да кому ты там нужна!»

Однако поездка на тропический курорт даже в одиночку оказалась, к приятному удивлению Ирины, хороша. Местный массажист, двадцати двух лет от роду, своим усердным трудом над ее телом помог забыть ей о вялых ночных объятиях Эжена. А для души она познакомилась с немолодой парой. Они то ли доживали свой собственный «цветущий возраст», то ли уже покинули его. Он – длинный, тощий, нескладный австралиец с детски-наивными глазами, копия Гурвинека. И его мадам – похожа на лошадь и рыжая, с веснушками. «Гурвинек» был невероятно любознательным, записался на все экскурсии, всегда держался близ гида и засыпал его массой вопросов – порой ставивших того в тупик. Австралиец звался Куртом и носил немецкое имя неспроста. Его родители были выходцами из Германии, перебравшимися на пятый континент после войны. Жена именовалась Мардж, она была коренной австралийкой уже в четвертом поколении.

По легенде Ирина носила имя Людмила Савельева и была родом из Советского Союза – а как иначе она могла оправдать полное незнание (поначалу) всех языков, кроме русского, и нашенский акцент. Она, по документам, бежала в девяносто первом от ужасов перестройки и нехваток всего по израильской визе. А в Вене, на первой же остановке по пути на Землю обетованную, встретила с американцем – бизнесменом Расселом (то есть Эженом), который сразу предложил беженке руку и сердце.

Познакомилась она с Куртом и Мардж на первой же экскурсии. Узнав, что *Людюда* (то есть Ирина) родом из России, Курт засыпал ее десятком вопросов: где она училась, пострадала ли от репрессий КГБ, какова погода в Москве (особенно в сравнении с тропическими островами) и прочее. «Гурвинек», набросившись на нее, даже забыл на время об экскурсиях и о быте рыбацкой деревушки. Мардж только снисходительно улыбалась, поглядывая на увлеченного супруга.

Знакомство продолжили вечером в баре. Мардж, как оказалось, имеет ирландские корни, поэтому налегала на виски. «Гурвинек», напротив, захмелел от единственной порции белого сухого и принялся обрушивать на Ирину-Людю бездны своей бессистемной эрудиции. Вечер кончился тем, что им вдвоем пришлось буквально на себе волочь Мардж в бунгало. А Ирина и Курт в тот вечер еще долго бродили с фонариком по песчаному берегу, и он целомудренно открывал ей тайны ночной жизни острова. Настоящий «Клуб путешественников» и «Мир животных» в одном лице, усмехалась про себя она. А «Гурвинек» все показывал ей в свете карманного фонаря: вот мурены прячутся в норах в подводной части пирса. Вот на мелководье налетает стремительной тенью акула, а после своего броска столь же молниеносно исчезает в серой толще океана. А вот рачки в скорлупе маршируют вслед за приливом на берег, оставляя следы, похожие на велосипедные дорожки. А здесь – зарываются в песок, и весь мокрый берег усеян норами, похожими на кротовые. «Вы представляете, Людюда, – восторженно и патетически восклицал далеко не юный натуралист, – некогда сама Жизнь выползла из Океана на сушу, а потом забыла вернуться обратно. И от нее происходим все мы!»

Вообще вопросы *происхождения* и *генеалогии* в самом широком понимании этого слова довели над любознательнейшим Куртом. Он проследил своих прашуров едва ли не с четырнадцатого века, специально ради этого, можете себе представить, ездил в архивы Нюрнберга и Потсдама.

Несколько дней вновь обретенные друзья развлекали друг друга. Мардж проводила время за безудержной выпивкой. А Ирина и Курт целомудренно прогуливались по песчаному берегу и

беседовали обо всем. Солировал австралиец. Он даже уверял, что умеет если не лечить руками, то ставить диагноз – наверняка. Утверждал, что он сотням людей у себя на родине помог. Приглашал Ирину в свое бунгало, чтоб определить, какими недугами она страдает, и постараться ее подлечить. Что ж, хоть какое-то внимание. Разумеется, лишь жалкая пародия на тот мужской интерес, какой она вызывала сорок, тридцать и даже двадцать годков назад, однако и на том спасибо, и то хлеб.

Рассказывал новый знакомец в том числе об истории своей собственной семьи. Оказывается, родной его отец тоже имеет непосредственное отношение к России. Он служил в чине гауптмана (капитана) на Восточном фронте. Был ранен, получил нашивку и Железный крест. А когда его полк базировался в одном из оккупированных фашистами советских городов, случилась с ним даже романтическая история. Он влюбился в русскую женщину уже не первой молодости. То была настоящая страсть, рассказывал отец. Зрелая и чистая любовь. Ей около тридцати, ему тоже. Она была замужем за русским командиром, который пропал без вести. Но эта русская не смогла с собой совладать, отдалась врагу и даже забеременела от него. Когда фронт стал подходить все ближе, он предложил ей уехать вместе с ним, уговаривал, страшил карами, которые обрушит на нее свирепый сталинский режим, если она останется на советской территории. И она согласилась бежать с ним. И даже решила не делать аборт, оставить ребенка.

Однако продвижение советских войск и высадка десанта оказались столь стремительными, что гитлеровцам пришлось отступать в спешном порядке. Ежеминутно рискуя головой (в городе уже шли уличные бои), влюбленный немец все ж таки добрался до дома своей девушки. Но – увы! – ее не оказалось на месте. Где она? Гауптман не имел ни малейшего представления, как найти возлюбленную. И он совершил то, что должен был сделать солдат, верный воинскому долгу, и чего он не мог себе простить до конца жизни. Он отступил вместе со своей частью. И больше в советский город, естественно, не вернулся. И с любимой никогда не встретился.

«Что же было дальше?» – воскликнула Ирина, живейшим образом заинтересовавшаяся рассказом. Дело в том, что история ее семьи являлась чем-то вроде зеркального отражения повести немца. В судьбе родной матери Ирины тоже был роман, случившийся в военные годы, от которого родился незаконный ребенок.

«Что было дальше? – насутился Курт. – Ничего хорошего или интересного». Война закончилась, отец из поверженной Германии в поисках лучшей доли эмигрировал в Австралию. Там женился, у него родилось трое сыновей, в том числе будущий «Гурвинек», и одна дочь. Однако бывший гауптман не забыл свою русскую возлюбленную. Неоднократно писал в посольство Советского Союза и даже в Кремль. Но до смерти Сталина ему просто ничего не отвечали. А в пятьдесят пятом пришла официальная бумага: дескать, в тысяча девятьсот сорок пятом году у девушки родилась дочь. А затем, в сорок седьмом, молодую мать признали виновной в измене Родине и приговорили в десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Через год она в заключении скончалась. А девочку отдали в детдом, откуда последняя была удочерена. «О дальнейшей ее судьбе органы опеки сведений не имеют», – говорилось напоследок в официальном письме из СССР.

А Ирина в этом месте рассказа Курта – Гурвинека уже находилась в состоянии, близком к обморочному, – и вовсе не спиртные напитки были тому виной. История до странности, до запятой, до сердечной боли походила на ее собственную!

Не знает ли, случайно, дорогой Курт, живо поинтересовалась она (а сердце так и стучало), каких-нибудь подробностей той истории? Например, в каком городе это случилось? Или, быть может, как звали ту самую русскую?

Ирина едва не лишилась чувств, когда услышала, что дело было в советском городе Южно-рос-сийск. А русскую девушку звали Кирой.

Во всем мире лишь пара человек знала подлинную историю Ирины Капитоновой. Она лично, во всяком случае, поведала ее лишь двоим. Первый из них – Эжен. Вторая – дочка

Настя. Наверное, знали о том, что происходило шестьдесят пять лет назад, в вездесущих *кадрах КГБ*. Возможно, были в курсе дела всякие советские *инстанции*, которым полагалось *знать все*. Все-таки приемный ее отец, Егор Ильич, был не последним человеком в коммунистической империи. Но теперь-то прошло двадцать лет со дня краха СССР. Кому сейчас интересны личные тайны Ирины Егоровны?

И вот поди ж ты! На просторах мира, где проживает почти шесть миллиардов людей, она встречает человека, который рассказывает ей *ее же собственную историю!* Больше того! Он, Курт, этот немецкий австралиец (или австралийский немец), может быть, является *ее братом*. Пусть сводным – по отцу, немецкому офицеру, но тем не менее! Какова вероятность случайно встретить на планете Земля, на затерянных в Тихом океане курортных островах своего собственного брата?! Правильно: она ничтожно мала. Гораздо меньше, чем выиграть сто миллионов долларов по трамвайному билету.

Оставалось лишь вздохнуть вслед за Гамлетом: *есть множество вещей, мой друг Горацио, что и не снились нашим мудрецам*. И признать, что знакомство с Куртом – дикая, противоестественная случайность.

А напоследок перед отъездом Курт все-таки добился своего. В том смысле, что он, демонстрируя свои экстрасенсорные способности, осмотрел Ирину Егоровну – впрочем, весьма целомудренно. Он не нашел никаких болезней в ее ногах, руках и торсе – однако как только перешел к голове, сразу помрачнел. Курт потом долго отнекивался в ответ на прямой вопрос, что же он там рассмотрел. Но... Призвал ее немедленно по возвращении в Америку отправиться к врачу, а под конец сдался и молвил: «У вас – рак мозга. Долгое время опухоль дремала, но теперь она снова активизировалась».

Ирина поразилась точности диагноза. Как закоренелая материалистка и марксистка, член КПСС с шестидесятих годов, она сроду не верила ни в каких хилеров, экстрасенсов, астрологов. Но... Откуда тогда далекий австралийский друг знал о ее заболевании? О нем, кроме самой Ирины, знали, конечно, врачи бывшей «кремлевки», дочь Настя и зять Арсений. Ну, и муж Эжен, конечно. Да, был еще один парень, медик, партнер Сеньки по медицинскому кооперативу. Тау вроде была его фамилия. Он, кажется, потом тоже эмигрировал, и именно в Австралию.

Однако полагать, что Курт с его историями – подстава, – это паранойя. Кому нужна Ирина? Зачем разыгрывать ради нее столь сложные оперативные комбинации? Кто она такая? Американская пенсионерка русского происхождения. Гораздо логичней было бы признать, что в этой жизни случается все. В том числе – самые странные совпадения.

Разговоры с Куртом на тропических Островах разбредили душу Ирины. Она вдруг осознала, что о своем настоящем происхождении знает крайне мало. Когда ей минуло восемнадцать, ее отец (точнее, человек, которого она до той минуты считала родным отцом), Егор Ильич Капитонов, пригласил ее в свой кабинет для серьезного разговора. И поведал, что они с женой удочерили Иру, когда той исполнилось два годика. Взяли из детского дома. Дело было в портовом городе Южнороссийске, где Егор Ильич в ту пору работал заместителем председателя горисполкома.

Однако на вопрос, кто ее настоящие родители, Капитонов ни слова не сказал ни о каком немецком офицере, ни о матери, сгинувшей в сталинских лагерях. Он ограничился безыскусной констатацией: «Они погибли на войне». А когда через пару лет Ира, уже вместе с грудной Настенькой, приехала в Южнороссийск, к ней на улице подошла женщина, представилась Кирой и заявила, что она – ее настоящая мать. Тетешкалась с младенцем:

– Ой, какая хорошенькая. Как зовут – Настенька? Вот у меня и внученька родилась!

Тем же вечером Ира рассказала о случившемся женщине, которую всегда считала своей матерью, – Галине Борисовне. И больше ни разу никакая Кира ее не беспокоила. А соседи сказали (и позже подтвердила *настоящая мать*), что Кира – просто *психическая*.

И вот она, странность! В речи Курта тоже фигурировали Южнороссийск и имя Кира. Но Кира, согласно письму, которым австралийцу ответили советские власти, числилась погибшей в лагерях. Так кто же она, ее настоящая мать? И кто – отец? Неужели и впрямь: гауптман нацистской армии? Тот самый отец Курта?

Ирина думала об этом неотступно. Мысль о том, что ей надо, наконец, узнать о себе всю правду, постепенно овладевала сознанием. И еще она безоговорочно поверила Курту, поставившему ей диагноз-приговор. Капитонова чувствовала: времени у нее остается мало, отступать и оттягивать больше нельзя.

Она даже не стала обращаться к американским врачам. Врачи-«штатники» подарят надежду и заставят бороться. А она не хотела бороться. Она желала узнать все свои тайны – и спокойно *уйти*.

Настя

Когда Эжен на своем «мерсе» укатил, Настя наконец вылезла из машины и отправилась на стройку – зря, что ли, приезжала. А там – аврал. Все носятся с ведрами, криками, матерком. Бригадир хрипит: «Извините, Анастасия Эдуардовна, отойдите в сторону, позже доложу!»

Когда прорыв ликвидировали, бригадир, в буквальном смысле слова ломая перед Настей шапку, сообщил:

– Паркетчик..., – последовала семиэтажная конструкция, характеризующая самого паркетчика, его мать и других родственников по материнской линии, – настилал фанеру под паркет, – бригадир в кратких, но сильных выражениях охарактеризовал также и фанеру, и паркет, – и пробил гвоздем трубу под теплым полом, представляете?!

– Представляю, – вздохнула Настя.

– В результате поврежден контур отопления – раз. Затоплен потолок нижнего этажа – два. И обои, кстати, тоже. – Бригадир отозвался в самых сильных выражениях о потолках и обоях. – Надо заново вызывать сантехников и отделочников. В копеечку обойдется.

– Обойдется – *тебе*, – хладнокровно молвила Капитонова. – Все затраты вычту из твоей зарплаты.

– Ну, Настечка Эдуардовна!.. – заныл прораб. – Ну почему я? Я тут при чем? Это все Василь! Я ни сном ни духом!

– Да мне плевать, кто конкретно виновен! Ты у меня за все всегда отвечаешь. С *тебя* – спрос, неужто не привык?

– Ну, Настечка Эдуардовна! Мы все исправим! Сами!

– Когда?

– В три дня уложимся.

– Нет уж. Мне легче Василя твоего уволить, а у тебя из зарплаты бабло удержать, чем ждать.

– Два дня!

– Не торгуйся со мной, Николаич!

– Сегодня к вечеру сделаем.

– Да? К вечеру? О цэ дило, как твой Василь говорит. Но если нет – я проверю! Василя уволю, тебя накажу рублем. Ладно, пойдем смотреть, что вы еще там натворили.

Они стояли на участке рядом со строящимся домом. Рабочие, которые еще полчаса назад, во время разговора Насти с Эженом (она украдкой наблюдала в зеркальце заднего вида), еле ползали, теперь изображали лихорадочную активность. Настя отправилась осматривать объект. Прораб поспешал на угодливом расстоянии от начальства – чуть сзади и справа. Именно в таком порядке, видела Капитонова на телекартинках, всегда ходят прибывшие на места высокие российские руководители.

Наверное, таким манером, вдруг подумалось ей, и дед Егор Ильич обычно осматривал объекты. А он строитель был знатный. Во время послевоенного восстановления – зампред, а потом председатель южнороссийского горисполкома. Полгорода, считай, отстроил. Потом директор целлюлозного комбината в Коми, затем секретарь Карельского обкома и, наконец, зампред Госстроя СССР. Славная строительная карьера! В связи с такой Настинной наследственностью Сеня шутил: «Ты пошла в руководители стройфирмы, потому что кровь в тебе дедушкина разыгралась!» Но штука-то заключалась в том, что дед Егор был, как оказалось, *неродным* дедом Насти и *родным*, подумать только, Арсению⁴.

– Почему еще не установили нормальную лестницу?! – обрушилась Капитонова-младшая на прораба, поглядев, как лихо, словно матросы по трапу, избегают работяги на второй этаж по приставной.

– Виноват, смежники комплектующие не подвезли.

– Ты на фирму звонил?

– Так точно!

– И?..

– Завтраками кормят!.. – в сердцах покрыл Николаич лестничную фирму.

– Хватит тут при мне материться! – неожиданно для самой себя рывкнула Настя, спустила пар. – Дед мой – между прочим, заслуженный строитель СССР – никогда не матерился.

– Ну, это он, наверно, при вас. Когда вы девочкой были, – заметил прораб угодливо.

– Ничего не только при мне! Все говорили, и даже на похоронах у него: Егор Ильич не терпел, когда при нем ругаются, и сам никого по матушке никогда не посылал.

– Как же он руководил-то? – искренне изумился строитель.

– А вот ухитрялся. И между прочим, десятки объектов сдал. Твоим не чета. Порты, плотины, гидростанции, газопроводы, комбинаты металлургические, города целые. Ими до сих пор страна гордится. И ими кормится.

– Ну, тогда время такое было!..

– Какое – *такое*?

– Тогда страх был. На работу опоздал – будьте любезны, десять лет лагерей.

– Ну, мой дед в основном в пятидесятые строил. И в шестидесятые, семидесятые. Когда культ личности уже разоблачали, Енисей перекрывали, в космос летали. Тогда – какой страх?

– А все равно. Чуть не сделал чего – партбилет на стол положи. А у наших Василей да Джемшутуов – откуда партбилет? У них даже регистрации нет.

Настя только рукой махнула. Строители, заметила она, сильны были отвлеченные дискуссии заводить. Им бы все о высоком спорить (а не работать). Хлебом не корми, дай порассуждать – а зайдет речь о политике, любого переговора.

– Ладно, Николаич, утомил ты меня. Иди работай уже. Глянь: вон твой хлопец половую доску на веранде прибивает. А он ее с торца и с тыльной стороны антисептиком промазал? Что-то я не заметила.

Прораб сунул четыре пальца в рот, оглушительно свистнул и заорал:

– Эй, ты! Ты куда доску ложишь?! Так тебя и перетак, в мать и в задницу! – Потом покосился на Капитонову и буркнул: – Виноват. Но они по-другому не понимают.

* * *

Как же случилось, что Настя, дипломированная журналистка и подающая надежды сотрудница издательства, вдруг переквалифицировалась в строители?

⁴ Эта история описана в романе А. и С. Литвиновых «Черно-белый танец», издательство «Эксмо».

Девяностые годы стали в России кипящим котлом, в котором перемешивались социальные слои. Мастер цеха вдруг выскакивал в губернаторы. Недоучившийся студент превращался в миллиардера. Вчерашняя стюардесса становилась богачкой и светской львицей. Издавались журналы для «новых русских». В расчете на них открывались казино и рестораны.

Однако «ню рашенз» были тончайшим слоем, накипью, пленкой. Большая часть населения огромной гордой империи выпала в котле перемен в осадок. Опустилась на дно.

В оборонных городах оставшиеся без работы и без денег литейщики самого высокого шестого разряда воровали из соседских сараев картошку с капустой. Элитные офицеры сверхсекретных частей в свободное от боевых дежурств время торговали кроссовками. Доктора наук устанавливали по квартирам железные двери. Высококвалифицированные медики продавали аппараты для прокалывания ушей.

Потому ничего удивительного, что не окончивший курс студент Сеня Челышев возглавил кооператив, торгующий панацеей от рака. А дипломированная журналистка Настя стала в конце концов совладелицей архитектурно-дизайнерского бюро «Архимед». Издательство, где она столь многообещающе начинала, в итоге не выдержало, рассыпалось под ветром перемен. Капитоновой пришлось переквалифицироваться в переводчики. По-английски она говорила свободно – да и немецкий был ей не чужд. Эженовская мамаша здорово при поступлении ее натаскала, да и на факультете иностранный был для нее единственным предметом, который она по-настоящему учила.

Язык помог Насте познакомиться и подружиться с герром Вернером. (Ох и ревновал тогда к немцу Сенька, ох и бесился!) Ну а от личной дружбы и приязни – полшага до совместного бизнеса.

Природный художественный вкус у нее имелся. Воля и умение командовать – тоже. Работа нравилась. А что нет профильного образования – кого в девяностые это смущало! Тем паче что Настя умела и любила учиться. Годичные вечерние курсы в Первопрестольной, а потом пара летних семестров в Карлсруэ – и она стала разбираться в предмете не хуже многих, объявивших себя на Москве *дизайнерами*. Да что *не хуже!* *Лучше* большинства. Да и пыль пускать в глаза умела – не даром ведь на журфаке пять лет училась!

Образование профильное сказалось в том, что Настя в процессе своей нынешней деятельности стала вести коротенькие заметочки. О любопытных встречах записывала, наблюдения за заказчиками и рабочими вела.

Кстати, сформулировала чисто для себя основные законы строительства. Они помогали лишний раз не напрягаться, не расстраиваться по пустякам. Первые две аксиомы еще строители египетских пирамид открыли: любое сооружение возводится дольше, чем планировалось. И второе: всякое строительство обходится дороже, чем рассчитывали. Вопрос лишь в том, на сколько. Если сроки и затраты превышают смету всего лишь в полтора раза – великолепно. В два раза – терпимо. В три – уже перебор, надо принимать меры. Капитонова и себя, и заказчиков с самого начала в духе древнеегипетских закономерностей настраивала – чтоб меньше потом разочарований было.

Две следующие закономерности Настя вывела сама. В России начала двадцать первого века они, увы, тоже оказались всеобщими. Гласили они следующее. Во-первых, каждый рабочий и каждая бригада *способны* напортачить – и, значит, они напортачат. И во-вторых, каждый прораб готов украсть – и, значит, если дать ему волю, украдет. К сожалению, исключениями из правил оказывались единицы. Такими – умелыми и совестливыми рабочими и честными прорабами – Настя дорожила как зеницей ока. Будто над золотой кладовой тряслась.

Разумеется, многие воришки прорабы пытались взять Настю в долю: мы тебе откат за украденное – двадцать, тридцать, даже пятьдесят процентов, а ты нам развязываешь руки. Капитонова ни разу не согласилась. Обманывать заказчиков – удел фирм-однодневок. Она создавала себе имя. Работала на репутацию.

Добрую славу, к слову сказать, наработывала дольше, чем ожидала. Только спустя десятилетие косяком пошли клиенты, которые говорили: с вами работал мой друг, зять, сват, коллега, и он мне вас порекомендовал.

А с исполнителями, трудягами – вообще беда. Настя со смехом говорила друзьям, что на своей работе стала мизантропом и отчаянной шовинисткой. На подмосковных стройках нынче трудится настоящий интернационал, от монголов до негров. И в минуты усталости или когда ее подводили, Настя готова была возненавидеть все нации и народности. И своих, родных, русских, в первую голову. Умелый работяга – в наше время и в нашей стране – стал полумифической фигурой, редкой птицей, еще менее распространенной, чем честный прораб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.